

Зинзивер № 4 (142) 2024

**2024
Санкт-Петербург**

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА, СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)**

Председатель Редакционного совета
Тамара Буковская

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместитель главного редактора
Ольга Денисова (проза)

Заместитель главного редактора
Ольга Ефимова (поэзия, критика)

Редакция:
Максим Жуков (электронная версия)

Галина Илюхина

Сергей Киулин

Фёдор Мальцев

Валерий Мишин

Ирина Ракитина (верстка)

Адрес:
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводской проезд, д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Союз писателей XXI века, издательство «Вест-Консалтинг», редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

E-mail: zinzivier@mail.ru

Сайт журнала
<https://www.zinziver.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка главного редактора</i>	5
---	---

ПОЭЗИЯ

Александр ТРУНИН. В тишине осеннего простора. Стихотворения	6
Валентин НЕРВИН. Стрижей стремительная стая. Стихотворения	11
Михаил ГУНДАРИН. Час пик. Стихотворения	17
Елена ПАВЛОВА. Птица превращается в меня. Стихотворения	21
Олеся УТКИНА. На самом деле. Стихотворения	29
Андрей ШУТОВ. Третьего не дано. Стихотворения	35
Александр В. БУБНОВ. VERSИИфикация форм. Стихотворения	46
Евгений СТЕПАНОВ. Как только светает. Стихотворения	52

ПРОЗА

Ольга ЛЮБИМОВА. Два рассказа	54
------------------------------------	----

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Вячеслав ХАРЧЕНКО. Юг. Рассказы	61
Саша ЛИБУРКИН. Однажды на фестивале. Рассказы	68

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

Александр БАЛТИН. Время падает на землю. (К 90-летию Геннадия Айги)	70
---	----

ИШТУДИИ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. «О вечном примирении и жизни бесконечной...»: роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Статья	73
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Станислав Минаков, «Русалим. Стихи разных лет» (Герман ВЛАСОВ) Музыкальная сказка для детей «Ледокол "Надежда"» (Вера КИУЛИНА) Инесса Ильина, «Юлия, бегущая по...» (Вера КИУЛИНА)	84
--	----

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги и читатели!

В этом номере много верлибров.

Не скрою, я люблю этот жанр поэзии.

Он только на первый взгляд простой, на самом деле написать хороший верлибр очень сложно.

Также в номере немало силлабо-тонической поэзии, прозы, рецензий.

Надеюсь, что авторы «Зинзивера» оправдают ваше доверие.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

Поэт. Родился в 1954 году в селе Кольцово Калужской области. Окончил русское отделение филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор четырех книг стихов и многих публикаций — в журналах «Волга», «Дружба народов», «Новый мир», «Город», «Дети Ра», «Зинзивер» и других. Член Союза российских писателей. Живет в Калуге.

В ТИШИНЕ ОСЕННЕГО ПРОСТОРА

СТАНСЫ

Земную жизнь пройдя на семь восьмых,
побежав, покружив, задумчив, тих,
живу в углу — своем, не на чужбине.
Земные блага делим на двоих,
а лишнего — ни капли и в помине.

То садовод, то записной рыбак,
вчера грибник и лесоруб сегодня —
мои работы — ни за грош, за так,
чтоб просто жить день ото дня свободней.

В июне лето кажется большим,
но скорый август истину откроет.
Что делать дальше, мы потом решим,
заранее загадывать не стоит.

Весь день плывут по небу облака,
такие тихие — не потревожат слуха.
Живу, дышу, гляжу издалека
на это небо, не мое пока,
щепотка плоти и росинка духа.

* * *

Следы вели в овраг и потерялись,
как будто он подпрыгнул и взлетел.
Я постоял, вздохнул, подумал малость
о сущностях разноприродных тел,

очнулся, огляделся — в одночасье
метель сравняла и мои следы.
Белым-бело, и это было счастье —
ни суеты, ни страха, ни беды.

* * *

Еще тепло, еще не верится
в приход тяжелых холодов.
На солнце бабочка невестится,
кузнечик скачет — будь готов.

И яблоко большое, спелое
на землю упадет вот-вот.
И облако босое, светлое
бежит по небу без забот.

* * *

Откроешь дверь — Полярная звезда
ничем не примечательна, но знаешь:
там лютый север, злые холода
и вечных льдов невыносимая залежь.

И скоро дрогнет равновесный ход,
внезапно ухнет в пропасть бабье лето.
Пальто примеришь — ничего, сойдет.
Достанешь шарф. И шапку — эту, эту...

* * *

В тишине осеннего простора,
сидя у дымливого костра,
вздумаешь: весна придет не скоро...
И о прошлом полыхнет тоска —

как в студеном призрачном апреле
в молодом залиvistом огне
рукописи старые горели
и теплее становилось мне.

* * *

Шаткий бег электрички «Калуга-Москва».
Подходящее место — согласно билету.
За окном в ноябре моровая тоска.
Загляну в интернет, полистаю газету,

отключу, отложу, огляжусь — этот спит,
та в наушниках нежное слушает что-то...
Хорошо, что пока ничего не болит.
И всерьез ничего — ну почти — неохота.

Чем заполнить три долгих невнятных часа.
Мысли нет ни одной — ни единой — в помине.
Чу! Сквозь постук колесный и сквозь голоса
звуки скрипки — не шлягер пустой, не попса —
слышу двадцать четвертый каприз Паганини.

Что за странный такой молодой виртуоз...
Разве это народу.... — подумал невольно.
А скрипач — не смотри, что наивен и прост.
Так летает смычок, что становится больно.

И плывет по вагону озноба волна.
И слеза наплывает — сдержаться бы только,
надо вызов принять безмятежно и стойко,
но не сладить никак — и в глазах пелена.

Гаснет музыки резкий светящийся след.
Смолкла скрипка, шуршит перемятый пакет,
грустный мальчик спешит по вагону.
Потянулась рука и другая рука.
И сказал человек человеку вдогонку:
«Молодец» (оборвалась строка).

Расцветает солярис Москвы впереди.
Все реальнее — ближе и ближе.
Вот еще полчасика с замираньем в груди —
и тебя наконец-то увижу.

* * *

Дежурный дождь, патрульный ветер,
ноябрь похожий на тюрьму.
Всю ночь мечтаешь о рассвете,
в крошечную уткнувшись тьму.

Бессонница, мементо мори,
плывет тумана полоса,
сиянье солнца, лето, море,
Гомер, тугие паруса.

* * *

Разбирая старые архивы,
вижу, удивляясь сам себе,
как дороги наши были кривы,
но к единой вывели судьбе.

Люди, птицы, ветры и метели,
будний день, на пустяке пустяк.
Не смогли б, хотя б и захотели
эту встречу мы устроить так,

как случилось. В тусклом коридоре
встретились, болтали полчасика
ни о чем, верней, о всяком вздоре.
Но летело сердце в небеса.

* * *

Лежал. Не спал. Все думал о своем —
о том, как хорошо нам жить вдвоем
на серенькой окраине Калуги,
как утром просыпаемся, встаем,
пьем кофе, потрудившись, устаем,
гулять выходим по лесной округе,

как смотрим вовремя под ноги или вдаль;
о том, какой тяжелый календарь
и в прошлом был году и будет в этом —
что ни число, то новая напасть;
нам горечи хватает нынче всласть,
вот-вот, чуть-чуть — прощайся с белым светом.

Но снова утро, кашляет сосед
за стенкой. За окном уж много лет
один и тот же дворник, отпрыск юга,
лопатой бодро шаркает. Пора,
не сплю, не сплю. И радуется утра,
что время — есть.
И место есть — Калуга.

* * *

Поэт на даче вовсе не поэт.
Работы — край, ночами славно спится.
Пока погода, он встает чуть свет,
и каждый день как чистая страница.

Пойдут дожди, засядет за тетрадь —
слова, слова — лукавое мгновенье —
мелькают в голове, а не поймать —
без божества — увы! — без вдохновенья.

И бросит... Молча подойдет к окну —
глядеть, глядеть, как тучи гонит ветер
за серую ершистую Оку...
И вновь незавершенную строку
и так и этак в голове повертит.

Пустое... Он у слова не в долгу.
Десяток книг уже стоит на полке.
Но снова: я могу, могу, могу...
И заново: о вечности, о долге.

На небе вдруг появится просвет,
и дождик на мгновение замолкнет
и хлынет с новой силой...
А поэт?
Он вышел на порог, стоит и мокнет...

Поэт, член Союза российских писателей. Автор 17 книг стихотворений. Лауреат литературных премий им. Н. Лескова и «Кольцовский край» (Россия), им. В. Сосюры (Украина), им. Марка Твена (Канада); международного литературного фестиваля «Русский Гофман». Удостоен специальной премии Союза российских писателей «За сохранение традиций русской поэзии» (в рамках Международной Волошинской премии). Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси». Стихи переводились на английский, испанский, румынский, сербский, украинский языки. Живет в г. Воронеже.

СТРИЖЕЙ СТРЕМИТЕЛЬНАЯ СТАЯ

ТИШИНА

Тишина пришла издалека,
снизошла печаль на идиота:
жизнь длинна, да песня коротка —
даже петь об этом неохота.
Время у гармонии в долгу
не доковыляло до астрала —
на крутом от счастья берегу
так недолго музыка играла.
Бедного архангела труба
растеряла голос, и такая
тишина повсюду, что судьба
в тишине поет,
не умолкая.

* * *

За Коктебель все сказано давно,
поэтому сегодня дело глухо:
ни белое, ни красное вино
коньячного не укрепляет духа.
Когда луна зайдет за Карадаг
и смолкнут говорливые бакланы,
мои печали чокаются, как
наполненные заживо стаканы.

Кончается бутылка коньяка,
не успевая перевоплотиться
в автограф на краю черновика,
похожий на печальную жар-птицу.

* * *

Не светильник и не факел —
головешка про запас;
даже самый Падший Ангел
ярче нас и выше нас.
Он летит, изнемогая,
по Вселенной прямиком,
зная, что судьба другая
в общежитии людском.

Утоли мои печали
сказкой о добре и зле —
нас летать не обучали,
вот и ходим по земле.
Мы таращимся из мрака
на феерию огней,
но последняя собака
и добрее, и умней.

* * *

На самой прикольной из прочих планет,
которые по ветру носит,
безвременье длится две тысячи лет,
безверье — две тысячи весен.
Две тысячи зим продолжается бой
с природой и собственной тенью.
Для нашего брата архангел с трубой
становится легкой мишенью.
До боли понятно, что дело — труба,
а мы не готовы к ответу.
Приколы кончаются и не судьба
рвануть на другую планету...

* * *

Хочу дотянуться до Господа Бога
и правду о жизни узнать у него.
Обидно, что сил остается немного
и времени тоже всего ничего.
Душа Голубиную Книгу листает
и силится уразуметь, почему
любви человеку всегда не хватает,
а смерти надолго хватает ему.
Ввиду неминуемого эпилога,
над логикой существования бьюсь:
хочу дотянуться до Господа Бога,
но правду о жизни услышать боюсь.

* * *

Пока стрижей стремительная стая
выныривает с облачного дна,
лежу в траве, до неба дорастая,
по лабиринтам воздуха и сна.
Пути господни неисповедимы
равно для птиц, деревьев и земли;
фантазии мои необходимы
какому-нибудь облаку вдали.
А ветер, налетая временами,
раскачивает сны и тополя,
и с высоты,
 которая над нами,
не разобрать,
 где я, а где земля.

* * *

В. Мисюку

Когда, повторяя речные изгибы,
певучие звезды летят с высоты,
на сушу выходят летучие рыбы,
забытые сны
 и живые цветы.

Увы, никакой эпохальный философ,
ни в общем зачете, ни сам по себе,
еще не решил окаянных вопросов
о жизни и смерти,
 любви и судьбе.
Я знаю, уходят и люди, и реки,
державы и сны рассыпаются в прах,
но было от века и будет вовеки:
Земля — на китах,
 а любовь — на цветах!

* * *

Живая радость быстротечна:
трава устанет зеленеть,
любимая не будет вечно
хрустальным голосом звенеть.
Импровизация былого
уходит в будущее, но
сопроводительное слово
по жизни произнесено.
Так, облака над головами
летят в соседнюю страну,
сакраментальными словами
сопровождая тишину.

КРУГИ

Кого мечты, кого долги
удерживали в этом мире,
но только по воде круги
расходятся на все четыре.
Остановись и оглянись;
по грозовому небосводу
круги земные разошлись —
а мы пеняли на погоду.
Все переменится, когда,
захолонувшие от света,
сойдутся небо и вода
на круге Вечного завета.

* * *

Наутро,

но еще пока ты спишь,
как бабочка ночная обессилев,
пространство сна пересекает стриж,
стригущий небо ножницами крыльев.
И скоро

ты проснешься налегке,
поняв по интуиции, что это
Бог говорил на птичьем языке,
наивно отделяя тьму от света.

* * *

То ли юность мою, то ли старость
разнесли по России ветра.
Кувыркаться по жизни осталось
на день меньше, чем было вчера.

Никогда никому не пеняя
на чудную планиду свою,
на окраине русского рая
с алкашами в обнимку стою.

Что за тень по земле распласталась
напоследок, сама посудит:
то ли юность моя, то ли старость,
то ли целая жизнь позади...

В МИНУТУ ОДИНОЧЕСТВА

В минуту одиночества, когда
ни соловья тебе, ни Алконоста,
погашены, похоже, навсегда
все фонари у Каменного моста.

Исчерпан кратковременный лимит,
отпущенный для маленького счастья;
и лишь ВоГРЭС по-прежнему дымит,
как при любви и при советской власти.

У прошлого надежная броня:
я понимаю, что, на самом деле,
дым иногда бывает без огня,
а соловьи давненько улетели.

И вот стоит, поплеывая вниз,
перебирая годы и невзгоды,
почти мифологический Нарцисс,
глядящийся в отравленные воды.

Поэт, прозаик, литературный критик. Родился в 1968 году. Автор 9 книг стихов (последняя по времени — «Непоправимый день», 2024). Публиковался как поэт в журналах «Дети Ра», «Знамя», «Урал», «Дружба народов», «Алтай», «Плавучий мост», «Нева», «Юность» и др. Живет в Москве.

ЧАС ПИК

* * *

— Артериальную намажь
Погуще на края заката, —
Сказал мой ангел,
в карандаш
преобразив сустав крылатый.

Он график, я акварелист,
Мы вместе сотворим такое —
Как иероглифами лист,
Все небо знаками покроем!

НОЧНАЯ БАЛЛАДА

Праздничной музыкой полон чужой костер.
Дайте погреться, ночь в лесу холодна!
Старая запись поставлена на повтор.
Появляется голос: поет война.

Зря я тогда отправился в зимний лес,
Вечность потратил, да и себя не спас
А как оглянешься — все мы сегодня здесь,
Молча танцуем, не поднимая глаз.

* * *

Снег на улицах нашей любви,
Позавчерашний снег,
Вспомни, потом картинку порви,
Как завалившийся чек.
О, эта покупка была ценна,
Так была дорога,
Как покинутая страна,
Сданная в скупку серьга...

* * *

Поддельные кроссовки Air Jordan,
и мир вообще, поддельный и прекрасный,
продуманный до каждого аккорда,
Осмеянный — оплаканный напрасно.
Дрожит, как будто кисти на портьере,
во все концы отбрасывая тени —
когда же в нарисованные двери
войдет веселый бог местоимений?

СКАЗКА

Кто в жемчужную сетку связал слова,
И она улетает, смеясь, от нас,
Как журавль из широкого рукава
На хмельном пиру в предрассветный час?

Там по стенам вьется алмазный жгут,
А под ним ярится огонь сердец,
И о них вспоминают,
О них поют
Журавли, покинувшие дворец!

МАРТОВСКИЙ РОМАНС

Пестрея, как звезда
на черном небосводе,
ты даже не вода, а только тень воды,
не Север и не Юг, но что-то в этом роде...
Смотри, как хорошо ты путаешь следы!

Соединю в одно мельчайшие детали,
добавлю к пустоте алмазного стекла...
И все-таки тебя изображу едва ли:
ты — функция весны, проекция тепла!

СКВОЗЬ СОН

Скрипучие повороты
Винта в глубине хребта.
Сплю. По большому счету,
Эта жизнь прожита,
Пройдена. И другую
Велено начинать —
На лестницу винтовую
Связанному вползать.

* * *

Душа, как подросток на самокате,
По встречной торопится полосе.
Вот вырастешь — Бог нам подарит катер,
И мы уплывем совсем.

Пока что лихачишь, спешишь на красный,
Рискуешь на вираже.
Опасна другим, но себе опасней
(И падала в грязь уже).

В РЕСТОРАНЕ

В этом райском саду
Запутанного меню
Тайный вкус не найду —
Разве что сочиню...

(Как сочиняется сон
Из прожитого вчера,
Как варят небесный удон
Бессмертные повара.)

* * *

На улице Гоголя алкаши
узнавали меня.
Старая улица, прикажи
Ничего не менять!
Но они уходят за гаражи,
грустной медью звеня.
Исчезают как миражи
позапрошлого дня.

СОСНЫ НА ЗАКАТЕ

На склоне пологом они стоят,
а кажется, что бегут
на облачный поезд или фрегат
(он уже тут как тут).

Пятница, город,
час пик — точь-в точь!
Но время в горах свое:
им не страшна
ледяная ночь,
а мы боимся ее.

* * *

Есть куда устроиться на вечер?
Некуда, а вечер наступает.
По кустам крадется, незамечен,
Выскочит, набросится, заставит
Признаваться в том, что совершили,
Этим днем, дождливым этим утром.
Вот как странно: выросли большими,
А в спасенье верим почему-то.

Поэт. Член Союза писателей России, Союза писателей XXI века, творческого совета Международной Ассоциации Граждан Искусства (М. А. Г. И.). Автор книг стихов «Я люблю этот мир» (2009), «Восточный ветер» (2010), «Лодка» (2011), «Погоня за горизонтом» (2021), вышедших в издательстве «Вест-Консалтинг». Живет в Москве.

ПТИЦА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В МЕНЯ

мир

мир в нас
меняется
каждое мгновение
разве можно утверждать
что мы — это мы?

подарок

если не помнить вчера
и не думать о завтра
каждое утро станет
подарком
от деда Мороза

слово

слово двусмысленно
лезвие ножа однозначно
но оба способны с размаху
смертельно ранить

картина

многоголосие
нарисованного леса
настраиваюсь на его волну
на правое плечо
опускается ворон
его хриплый бас
заораживает
шум и скрип сосен
как помехи в эфире
ветер стихает
я отчетливо слышу
полет стрекозы
падение спелых ягод
как грибы макушками
пробивают землю
потом эту картину
увидела на вернисаже

дети

в августе
на тропинках сада
появилось
много лягушат
поздние дети

антиквариат

в музее выставлен
сервиз царских особ
тонкий фаянс побывал
ни в одних руках
он помнит многое
и скорее всего
сам антиквариат
коллекционируют
своих хозяев

дверь

осень пятерней
последнего листка
закрыла дверь
не верь
что лучшее
уже в прошлом
оно просто ждет
когда ты достанешь до него
как ребенок до выключателя

уходит лето

лето сохнет бельем на веревке
батарейки золотых шаров зарядились
последние искры земляники
упавшие антоновские яблоки
сухие лепестки алой розы
захотелось стать ребенком
которому без разницы
какой сезон и погода
каждый день для него
это целая жизнь
он засыпает и просыпается
с улыбкой на лице

внезапно

к осени
мы готовимся
но она всегда
внезапна
под взглядом
обнажается суть
чувства заостряются
краями сухого листка
тело замедляется
готовясь к зиме

глобус

если на глобусе
отметить флажками
места военных действий
за всю историю
эволюции
голубой шарик
станет красным

СМЫСЛ

не мы создавали этот мир
и не нам его менять
надо меняться самим
и тогда смысл будет
в самой жизни...

СКОЛЬКО

сколько планет Вселенной
никогда не увидят друг друга
сколько людей на Земле
пути которых никогда
не пересекутся
как в метро
один эскалатор вниз
другой вверх

память

из промелькнувших
секунд дней столетий
мы выходим навсегда
запечатав двери
которые в силах открыть
только память
воплощенная
в нашем теле

время

в юности
жизнь
бесконечна
с возрастом
ускользает
в небо
потраченное
впустую
время

неореализм

поколения
приходят и уходят
как прилив и отлив
я тоже уйду
с последним
зрителем и участником
фильма в стиле неореализм
с коротким названием
«моя жизнь»

вместе

полет птицы
продлевает взгляд
голос повторяет мой крик
наши сердца стучат в унисон
я превращаюсь в птицу
птица превращается в меня
и мы вместе улетаем
от одиночества
смерти нет

прохожий

я стал прохожим
на улицах городов
стран и континентов
я наблюдаю
но сам невидим
я теперь никто и все
я теперь нигде и везде
ощущение эйфории
после тяжести груза
почему раньше
было страшно
выйти из дома?

МИРА – ВОЗ – ЗРЕНИЕ

апельсин	ищем	просто
солнца	свою	радость
плещется	дорогу	и
в	занесенную	просто
стакане	снегом	любить
воды	чертим	две
суета	колею	трудных
стала	как	задачи
важной	плуг	почему
живем	за	только
не	спиной	страдания
замечая	тянем	обостряют
объятий	ошибок	наше
М И Р А	В О З	З Р Е Н И Е ?

сфера

полнолуние
молочная муаровая
карамель комната
света стала
фонаря формой
прилипла портала
на на
стену синей
дома двери
моя магия
тень тьмы
входит вытягивает
в в
СФЕРУ

Воспоминания

падали прошлое вечером
на лунным старая
воду светом женщина
желтые входит вспоминает
мысли в свою
клена дом юность
И
круги рисует к
волн на ногам
были стене ее
похожи иероглифы сухими
на давно листьями
весенние потерянного опадают
почки счастья морщины

осеннее небо

ОСЕНЬ
в
зеркало
лужи
смотрю
на
и
вижу
свою
тень
бегущую
по
облакам

встану
вверх
ногами
вода
выльется
в
НЕБО
а
волосы
прорастут
корнями
в
землю
ОСЕНЬ

НА САМОМ ДЕЛЕ

* * *

Это так странно, что ты человек
у тебя есть руки
оранжевая футболка собирается в складку подмышками
ветвистые морщинки оставляют следы сзади на шее
когда ты смеешься и голову вверх запрокидываешь
когда смеешься ты классно тянешь согласные звуки
(пытаюсь воспроизвести, не могу — так давно не видалась)
когда ты смеешься скамейка с тобою пульсирует в унисон
и я прижимаюсь
сильнее спиной
выучив школьную физику
где женщина со строгим лицом и больными глазами похожая на сову
постоянно терла усталую кожу под своими очками и долго внушала
что электричество способно пройти сквозь дерево преспокойно
я не помню ни глаз ни лица ни очков ее но спасибо большое за правду
дерево в самом деле способно легко пропустить через себя самое
от тебя ко мне от меня к тебе
столько зарядов что можно лишиться рассудка
Это так странно, что ты человек
у тебя есть колени
джинсы натягиваются треугольно
мышцы катаются в коже
молочно-миндального тона
рукава от футболки мешают загару
когда ты раскидываешь локти забираясь на скамейку с ногами
когда ты снимаешь обувь свою прижимая ступни к себе и руками широко
колени обняв

похоже больше мне не нужна никакая ни физика ни рассудок
похоже в этом жизнь моя так просто случилась
так просто и сложно устанавливается порядок
что правда не в школьных уроках и не в тетках со строгими лицами
правда может быть там где есть человек в которого странно влюбились
и через вечность пропустили миллион поцелуев в плечи
на которых теперь родинки бисером рассыпаются
как свидетельство того что люди друг в друге просто так не сбываются
просто так не сбываются ночи клубника в кружке для чая после длинной
работы заскочить в магазин за пломбиром в стаканчике пребелый пломбир без
добавок как нежное небо и «здравствуй» после долгой разлуки
это так странно, что ты человек
но я правда люблю тебя

* * *

это дерево всходит в твоих глазах, и бережно меняется цвет: это я старый
вокзал, под метельником ждущий рассвет, пальцы одной до пальцев другой
руки — это сажень: это величина моей тоски, это неважно, сколько мне ехать,
чтоб собрать из звезд твое имя — это я глупее тебя, это невыносимо и вязко в
такую жару: это я в воду твою нырну, июль, touché, родной — это твой день
рождения, это старость присаживается на бордюр, утыкаясь в колени, просит:
«только не уходи», и я не уйду, желтоглазый зяблик фальцетит: это я тебя для
Бога прошу, о-пять-пять-пять — это жизненный шторм: это ты голосом укутал
и мирно уснул, просто смотрю, как сон гладит тебя по щеке — это я
растягиваюсь в долгое «иди ко мне».

* * *

А ты пахнешь, как честный
обессиливающий запах дождя и текучие
споры птиц в деревьях больших и
хранящих в грудях не последний
заботливый скрип, ты — эхом
дурманившим в ставни.

А небо замолкает без птиц. Птицы
молчат без неба. И, оглушившись
молчанием, вдрызг
шлепается комета,
чтобы услышать чье-то желание.
И кто-то выбьется из темноты

оконной рамы,
тревожно расплескав в листву свое:
«эй, душа, как с тобою надо
говорить?»
молчание.
молчание.
скрипит.
а чтоб узнать, попросит займ.
и под большой процент услышав птиц, проунисоня в скрип, пощупав ставни —
верну потом, потом. и после
что ни случится, просто

знай:
я с тобой в глазах запечатленным
теперь шляюсь по окраинам Вселенной
и рассказываю звездам про любовь.

* * *

Набережная на самом деле
не имеет никакого отношения к берегу. Набережная — это там, где бережно, нежно,
там, где направленность действия
к ближнему:
— посиди со мной, Господи,
посиди.
Это длинные сны,
где любимые стали любимыми:
эти твои пути,
такие прямые, гордые, львиные,
как губы, прижавшиеся к рукам, как руки, разгладившие кулак.
— посмотри, что мы натворили,
Боже мой, посидим с тобой на бордюре
И прыгнем в небо, зажмурив глаза:
— раз, два,
не влюблюсь,
пять, шесть,
не влюблюсь,
семь, восемь...
— да не бойся,
это же я.

* * *

Голос оставляет след. Он аромат женщины, только что вышедшей из объятий. И всякий из нас без голоса слеп, и всякий с любимым зрячий. За нас говорят наши чашки, трехцветные кошки, запах чая с османтусом, немеют губы, кладешь две ложки — «я правда люблю тебя. Я все еще. Все еще». Жить одним предложением, как норвежцы, при встрече только касаться пальцами: для объятий нужны длинные ночи. А в посленочие нужно остаться.

* * *

Ну что еще сказать? Я мир не знаю, я говорю на устаревшем языке, неактуальном, выцветшем, закукленном в себе, я самое, частица, отчаянно желавшая вернуться, забывшая во времени возвратность. Мир все еще стоит на том столпе, что эллины, спеша, собрали, давно осознавая: вот-вот планета повернется, и нас не станет. И потому они живое, дышащее тело, расправившее плечи. И молча улыбаются, на слух поняв наречие, наивный лепет «я, бы, мы», что выростили дети — и это шлейф большой любви. Земля — подстрочник неба и ребенок, который жадно слушал мамины стихи, нашептанные в ухо, и может их теперь все наизусть произнести: весна вернется, вернутся словари, и фонари над Темзой, и разные синьоры, и дожди, каждый раз произведенные по новой.

* * *

Н-но лет живешь и вроде убежден, что ты хороший человек: приученный к порядку, помнишь, как бывает засыпать у моря, где капли лижут пятки, а солнце тут же тянется губами. Ты спишь, и память носится по странам: юность, быт, наверное, любовь. И в каждой выбирали короля, ну а когда все замирало, со страхом выпучив глаза, помпезно отпевали. Тебя.

Ты спишь, и

— я люблю тебя

— прости

— ну как же так

— уеду, да, наверное, уеду, на юг Италии, где люди замурованы во вкусно пахнущих ночах, где солнце не меняется с годами *anno domini* и надежнее висит на небосводе, о Мадонна, как же так.

И уедешь.

Но после ты вернешься, не проснувшись, с чужими звуками, застрявшими в гортани, и сложишь ими песенку, чтоб обмануться. И схватишь рыбу голыми руками, лишь для того, чтобы родить ребенка.

О, куоре,
когда бы не вода и не таскание друг друга через дуб, мы были бы как люди,
в тех местах, где любят, а, значит, берегут.
Но мы устали.

* * *

Лето поднимается по самое вот сюда,
Как дорога в деревне до скошенного годами, погодами дома.
Как старики, встречающие на крыльце тебя, только тебя,
И каждый камень — острие
в босые ноги.

Между остриями — тоже внуки
И память
кого-то и когда-то,
где не мы.
А на деревья взглянешь,
и ударит
в самое вот сюда.

И не вставай. Какая чушь.
Тут ни к чему любовь,
но все деревья наши
брошенные дети —
ну, значит, что? ну, значит,
я вернусь,
а ты бредешь
босым по лету
в самое сюда
вот.

* * *

Клен до кончиков листьев — весь выпрямляется к оклику Божьему — и галок,
тянущих макушки, и опыт стихов, на русскую почву наложенный, и красные
брови домов,
в закате уснувших,
и медленный шаг по хрустящим соцветьям березы, и душу,
щемящую заревом — заново хочу подарить все тебе, заживо, —
засветло приезжаю и все еще жду, надо же —
Ты та самая часть — та, что незваная —
люблена, рыдана, молена, воздана,

шепни через ветер, что еще свидимся — коротко, боязно
всесильностью своего голоса — мать божия, что за мелочь — просто
колебание воздуха,
Разлука — прекращение счета —
до чего же мы дожили:
досуха, гибельно, адово —
где же рука твоя, та, что вела меня
через тьму, палитру наскоро вмешанной? — одна она встречала меня без
одежды, рисовала лицо мне, смеялась, впускала, твоя рука выводила, ласкала,
била, пытала, звала,
отгадала меня в синеве московских кварталов,
объяснила,
обратила нутро иностранца с точностью ювелира
в нежное сердце...
А сейчас
защемило, Господи, так, что некуда деться.

* * *

Закрываю уши штуками,
выдуманными чтобы передавать
музыку;
я не хочу: чужие языки слова голоса уличный гул скрежет асфальтовый шин
чьих-то машин — только музыку или язык,
на котором ты говоришь,
только слова, обнимаемые твоими губами,
имя твое — остановка падения,
только голос, смолистый и острый, ссекающий воздух,
как мое одиночество, в нем — мое одиночество.
Мама, там голос такой, что характер не удержать,
там такая свобода, победа,
что расступается свет,
что попросту ад
больше не может существовать:
реальность — сон, и я просыпаюсь сердцем.
Глаза, живые и бьющие,
длинные, темные,
и с ними — небо такое долгое,
и с ними солнце — случайный прохожий,
и я, плечом
его задев нечаянно, не обернусь.

ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО

* * *

Прошел мой год.
За окном снег.
На душе
светлая грусть.
Сегодня все родные,
кто рядом,
живы и здоровы.
Слава Господу
за Все!

* * *

Сэсэг Намсараевой

С глазами, полными слез,
Встретил я Вас,
Спустя много лет.
Поэзия не погибает.

* * *

Февраль.
Дедушка, дядя.
У времени
свои права.

* * *

Воробьи на яблоньке —
Придут холода.

* * *

Стрижи не умеют
ходить и плавать —
они летают,
разрезая длинными
острыми крыльями
купол небес.

* * *

Уходят —
не останавливай.
Возвращаются —
не принимай.

* * *

Победный Май,
тревожный Июнь
сменяют друг друга,
как Жизнь и Смерть.

* * *

Расстояние.
Расставание.
Раскаяние?

* * *

Мама вспоминает бабушку,
ощущает Неистребимость Бытия.

* * *

На небе — радость.
На земле — грусть.
*14 мая 2024,
Радоница*

* * *

Миллиметры расстояния
труднее километров пути.

* * *

Воробьи каждый год
строят гнездо
в проеме стены
над нашей лоджией.
Немного завидую им:
У них есть Семья!

* * *

Любовь — это тоже работа.
И порой невыполнимая.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЯДЕ

Жизнь — поле,
которое
не все могут
перейти.
Но не каждая жизнь,
может быть,
равнозначна
полю.

* * *

Все меньше в нас от Пушкина.
Все больше от... попсы.

* * *

Чистая капля, падая в воду,
образовывает круги.
Так и в жизни человека:
черный круг сменяется белым,
белый становится черным,
друзья превращаются во врагов,
враги становятся друзьями.
Капля = бесконечность.

* * *

За каждой холодной женщиной
скрывается ранимая душа.

МАЛАЯ РОДИНА

Небо, пропахшее дымом.
Дом с покосившимся забором.
Воробьи, сидящие на антенне.
Кошки, ждущие еды и общения.
Разве можно это все оставить
И забыть как страшный сон?

* * *

Карен Джангиров,
Михаил Файнерман,
Геннадий Айги,
Евгений Степанов,
Сэсэг Намсараева,
Намжил Нимбуев,
Вячеслав Куприянов,
Владимир Бурич,
Ольга Михайлова —
Мои учителя по верлибру.

* * *

Красное не станет черным,
черное — красным.
Малевич совмещал
квадраты.

* * *

Черточка
между датами
символизирует
Вечность.

* * *

Жаль, нельзя вернуться в прошлое.
Так не хватает родных.
Мы не успели наговориться.

МОЛЬБЫ О ДОЖДЕ

Земля плачет смолой.
Небо не слышит Землю.

* * *

Люди строят самолеты,
ассоциируя себя с птицами;
подводные лодки,
пытаясь ощутить,
что чувствуют рыбы.
И все равно им
сложно понять
животный мир.

* * *

На «Сапсане» памяти
нет остановок.

* * *

Поэты пишут для поэтов.
Прозаики — для прозаиков.
Читатель ищет графоманов.

* * *

Трезубец молнии
попал в дерево.
Это напомнило детство.
Тогда я прятался
под дедушкин стол.

ПАМЯТИ Н. С. ГУМЕНЮК

Сначала девочка, потом девушка,
затем женщина и, наконец, поэт.
Что только не пережила
Надежда Степановна Гуменюк,
но продолжала оставаться доброй,
отзывчивой и безмерно талантливой.

Писала прозу и стихи,
редактировала альманахи,
в которых были и мои творения,
входила в профсоюз, являлась
членом Союза писателей России,
заслужила признание
журналистов и писателей.
Читатель Ее не забудет!

* * *

Кто воспевает,
тот и предает.

* * *

Для семьи воробьев
антенна напоминает ветку:
чирикают и качаются.

* * *

Лето, лето.
Короткое,
как любовь.

* * *

Родина
не на рукаве куртки
и не в знаке на груди.
Она в душе и сердце.

* * *

Август.
Стрижи улетают.
Мне горько
им смотреть
вслед.

* * *

Переходя в будущее,
не забудь закрыть
дверь в прошлое.

* * *

Лопасты стрекозы
разрезают воздух.
Город ждет дождя.

* * *

Уходи всегда так,
чтобы тебя
запомнили,
помятая
добрым словом.
В сердце хотя бы
одного человека
постарайся остаться.

* * *

Одиночество закаляет
и... убивает.
Третьего не дано.

* * *

Приближаясь к кресту окна,
невольно представляешь Бога.

* * *

Ходит где-то счастье.
Жаль, не мое.

* * *

Стая белья
с тоской
глядит на небо.

* * *

Влюбленный —
Одинокий.
Талантливый —
Бездарный.
Женатый —
Разведенный.

И все-таки
Счастливый!

* * *

Сосульки —
пальцы зимы.
Они плачут,
потому что
не могут
увидеть лето.

* * *

Как тревожно колышутся флаги!
Как с надеждой смотрят глаза!

* * *

Андреа дель Бока.
Габриэль Коррадо.
Мое детство.

ЗАВЕЩАНИЕ ДЕЛОНА

Собака — друг человека.
Человек — друг собаки.
Теперь они навсегда
Вместе.

* * *

Как за рассветом
приходит закат,
как за печалью —
радость,
так и за расставанием —
встреча.
Дыши полной грудью!

* * *

Дождь полночи
стучал в дверь, окно,
хотел продиктовать
новые строки.
Я ему не открыл.
Жалею об этом.

* * *

Пока ты летаешь
в облаках,
рядом умирают
люди.

* * *

Мы расстаемся с прошлым,
не обретая будущего.

Поэт, эссеист, перформер, культуртрегер, филолог (доктор филологических наук). Первая публикация стихов — в журнале «Смена», № 5, 1991. Публикации в российских и зарубежных антологиях, сборниках, журналах. Автор книг «Первая книга тысячелетия» (М., 2001), «Я отстой отстоя: (Книга в спичечном коробке с одной спичкой)» (М., 2006), «7х7» (Курск, 2009), «Полное собрание сочинений» (СПб, 2015), «Курский Контекст: Эссе, статьи, манифесты, стихи» (Курск, 2021) и других. Лауреат премии журнала «Зинзивер» в номинации «критика» (2015). Лауреат премии журнала «Дети Ра» в номинации «поэзия» (2014, 2016). Родился в Курске. Живет и работает в Москве.

VERSИИИфикация форм

* * *

вот тахион
как фигаро
как особая фигура
речения
у него раздвоение
времени
страхи он испытывает ли
или его
испытывает Он
им воздействуя на наши
полусознания
полушария нашего частного
овременения
перед смертным страхом
единства
перехода во все частицы
мироздания
от частного к
отчаянному общему
на долгом песчаном пляже
частном (при-)
голышом играя с временем
частным и общим (все-)
всеменем
евадамовым
в песочницах кремниевых
вдруг

полурасплавленных кровью
особой дружной горячей
необособленной
единой
наверное
вот так и он

14/22.07.2024

* * *

Эликсир радости
пьем
приправленный
эндорфинскими
длинн-иными гласными
стонов
любви

12.07.2024

* * *

подъезды
подвалы
под номерами один или два
номера не важны
не знаю как тебя
но меня уже посчитали всего
до клеточки самой закрытой
от всех
кроме тебя

просчитали
тобой

прочитали
про тебя у меня на рисунке пальцев
отпечатавшихся на спине твоей
на каждом твоём позвонке

звени
во мне
звени
в подвалах моих сквозь бетон

ЭХОМ ЗВЕНИ
И ЭХОМ
ОТЗОВУСЬ
ОТЗВЕНЮСЬ К ТЕБЕ

ВЫЙДУ
СО СВЕЧОЙ ИЗ ПОДВАЛОВ МОИХ
К СВЕТУ В ТЕБЕ

...ТЫ ВИДИШЬ
УЖЕ СВЕТАЕТ...

СНОВА СВЕТАЕМ
СНОВА СВЕТАЕТСЯ И ТАИТСЯ
В НАС...

23.08.2024

* * *

*перформерам,
художникам,
переводчикам...*

САКВОЯЖ
НА СЕКВОЙЕ

séquooyage

*22.12.2023
30.08.2024*

* * *

ИЗБРИЛ РУКИ
(из «Брил.руки»)

19.12.2023

СИММЕСТИШИЕ

вот симместиише тут
пред вами представилось,
заняли строчки места...

(цезарь и брут)

это мне видится, как
представление акта
нового в тятре ведут...

06/07.05.2024

Прим. автора.

Симместиише (от слов «симметрия» и «семистишие») — новая «твердая» форма стиха из 7 строк, изобретенная автором; симместиише основано на симметрии трехсложных размеров и рифм; у симместииша есть строгая и вольная формы (подвиды); в данном случае приводится строгая форма.

ВЕЩИ ЛЕЧАТ

фокус ел —
валил свет!..

ох,
а зум отлежку мутит рапсоду —
что там?
и тур кто тенями утончил
у тонов
и длин бубнилок etc.

или
тур кузни
линовал, гудя, раны
наряду глав?

они
линзу крутили стеколин.

бубнил диво-ноту
лично
ту
им
я.

не тот крутим,
а тот...

чудо с партиту,
мук желтому захотев,
слила в лесу кофта.

Челищев
30.08.2024

ШИФРОВКА

слявян вареники не насыщают,
комар тулупчик мой не проколол,
и дива прелести не открывает,
внимаю временам я не на месте...

скорбно я бряцаю цепью,
себя сковав, густея где?
09.08.2024

К ЮБИЛЕЮ НИКОЛАЯ АСЕЕВА

От взора —
детского ли —
дерзкого —

от образа —
до образца —

от Льговского —
до Камергерского —

Асеев
с нами
продолжается!..

01.07.2024

* * *

в чем истина — в вине?..
или в простой воде?
чтоб ощутить стихию моря,
нужен ли скафандр...

поэт,
ты верно видишь:
истина — в стихе!
скорей ныряй в стихию,
истихандр!

29.06.2024

Поэт, прозаик, публицист, издатель, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева», «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

КАК ТОЛЬКО СВЕТАЕТ

РУЧЕЙ

Этот ручей, таящий
тающие надежды
стать полноводной рекой.

2024

КАК ТОЛЬКО СВЕТАЕТ

Большелобый грибовский кабачок
похож на ребенка в колыбели.
Как только светает — я бегу на огород.

2024

ТРИ СТРОЧКИ

Земля. Огонь. Вода. Деревья.
Деревня. Дом. Собаки. Кошки.
Смирение. Любовь. Судьба.

2024

КАЗАЛОСЬ БЫ: ОБЫЧНОЕ ЛЕТО

Где-то дачники летуют.
Где-то смерть, война лютуют,
Дроны страшные летают.

2024

ПОСЛЕ ВСЕГО

Спустя два с половиной года
ко мне вернулась память. На лице
еще сильней отобразилась скорбь.

2024

РАЙ

В Раю, наверно, много птиц,
Собак и кошек, а людей,
Я думаю, не очень много.

2024

ПРОДОЛЖЕНИЕ СТАРОЙ ПЕСНИ

Домой, в Париж, он больше не вернется.
Домой, в Нью-Йорк, он больше не вернется.
Домой, в Берлин, он больше не вернется.
Домой, в Бургас, он больше не вернется.
Домой, в Несебр, он больше не вернется.

А почему?
А потому.

2024

Прозаик, эссеист. Родилась в Москве. Окончила Московский авиационный институт, работала по специальности. В 1990 г. в издательстве «Советский писатель» вышла первая книга рассказов «Где кончается небо» под псевдонимом О. Любимова. В 1999 году переехала на постоянное место жительства в Израиль. За последние 22 года было издано восемь сборников рассказов и девять романов из жанра историко-художественной прозы под тем же псевдонимом. Является гражданкой России и Израиля, членом Московского городского отделения Союза писателей России, Союза писателей XXI века, Союза русскоязычных писателей Израиля и Интернационального Союза писателей. Постоянный автор издательства «Вест-Консалтинг».

ДВА РАССКАЗА

НА ИЛЬИНКЕ

(Рассказ)

ПРОЗА

Этот маленький случай, полузабавный, полудраматический, мне рассказал сам его участник, Юра Гринько, который тогда, в свои молодые годы, только еще приехал на Крайний север и работал в «Заполярной газете».

Гринько — журналист по призванию; коммуникабелен, в меру зол, живое перо. В тот раз ему предложили командировку на пару-тройку дней в столицу нашей родины, даже не от «Заполярки», а от какого-то журнала, заказ на разовый материал.

Пока бегал у себя в Воркуте, оформлялся, доставал билет, к нему подбился знакомый мужичок, шахтер Федя Ларин. Он приносил в газетку иногда свои очерки, довольно свежо написанные. Рабочий корреспондент, словом. Простой в общении, тихий мужичок. Юрка слышал, что в прошлом у него была история, отсидка, после этого Федя и застрял на севере. Между прочим, шахтеры здесь, в Воркуте, за десять лет на кооператив в Подмоскovie зарабатывают; проценты там северные, пенсия и все такое. У Феди — семья, двое детей, жена-сердечница. Зачем-то ему нужно было в тот раз в Москву.

— Лады, — сказал Гринько, — поехали.

Выехали скорым поездом во второй половине дня. В первый же вечер выпили у себя в купе на двоих двенадцать бутылок пива и отключились. На второй день ужинали в вагоне-ресторане с воркутинским размахом.

Юрка по опыту уже знал, как трудно в Москве с гостиницей. Бывали с ним случаи. Однажды так вот приехал, устроиться нигде не удалось. Слонялся до ночи по улицам с портфелем. Остановился у витрины,

что-то рассматривал, а он близорукий, наклонился. Подъехала милицейская машина. «Эй, парень! Поди сюда». Подошел. «Садись». Отвезли в кутузку, там все досконально проверили, командировку, документы, журналистское удостоверение и распрощались, посоветовав ночью не останавливаться у витрин. В другой раз, тоже в Москве, Гринько, отказавшись от ночного шатания по улицам, решил переночевать на вокзале. Боялся только уснуть, сидел, крепко обхватив руками портфель. Слышит, окликают, вроде его. Обернулся. Видит, сидят два мужика.

— Парень, у тебя деньги есть?

— Есть, — говорит, — но немного.

— Пойдем с нами. Гитара есть, выпить найдется.

Юрка поосторожничал, вежливоенько отказался. Потом все-таки незаметно для себя уснул, вцепившись в портфель. Проснулся среди ночи, не помнил отчего, только слышит: поет кто-то. Портфель на месте, главное. Обернулся: тот самый мужик играет на гитаре и поет. Второй тут же и еще несколько человек собралось около них. Юрий Васильевич — человек увлекающийся. Он уверял потом, что никогда и нигде такой мастерской, бесподобной, душевной игры в своей жизни не слышал, чтобы разбередило душу особым, ночным, дорожным, вокзальным, человеческим смыслом. Мужик долго играл, и все слушали.

Об этом обо всем, вспоминая, рассказывал Феде, когда досиживали после ресторана уже в купе. Но в этот раз, имея опыт, Гринько перед самым отъездом позвонил знакомым ребятам из горкома комсомола, и те тиснули ему два удостоверения, на него и на Федю, как на инструкторов горкома, как будто едут в Москву с заданием. Так что с гостиницей, — заверил, очень довольный таким раскладом, — будь спокоен, на этот раз все будет в лучшем виде, вот увидишь. Но тут Федя забеспокоился. Серьезно загрустил, говорит:

— Выбросил бы ты, Юра, к чертовой матери все эти бумажки! Еще влипнем во что-нибудь.

Его тоже можно было понять: мужик тертый, пуганый. А Гринько успокаивает.

— Чудак-человек! Ни во что мы не влипнем!

Федя о прошлом своем особо никому не рассказывал, но тут такая обстановка, — стаканы на столе, весь вечер вдвоем в купе нос к носу; тусклый свет, дорожный шум, темное окно... Юрка возьми и спроси: дело давнее, но за что, мол, тогда тебя?.. Спросил и тут же пожалел; такое мучительное, растерянное выражение появилось на добродушной, красноватой роже Феде, и что-то пробормотал невнятно, не поймешь, правду или так: мол, драка была, народу много, милиция приехала, все разбежались, а он замешкался, его и взяли, словом, стандартная легенда. Ну, Юрка больше не спрашивал, налил еще по стакану. Видно было, однако, что жизнь немало поломала этого крепкого с виду человека с большими, сильными руками.

Приехали в Москву. Сперва обалдели с непривычки: духота; народищу везде полно. Из Воркуты уезжали, там еще снегу по колено, а тут в конце мая жара под тридцать, народ полуголый ходит. Приехали утром, сдали вещи на вокзале и пошли шататься по столице, Гринько по своим делам, Федя — по своим. Договорились ближе к вечеру встретиться. Юрка намеренно не спешил с гостиницей. Он-то был уверен, что все обойдется, но все-таки сомнения были: удостоверения, как ни крути, — липовые. Поэтому решили дожидаться конца рабочего дня, когда из горкома, куда ему с бумажками этими надо было обратиться, из отделов уйдут люди. Закончатся текущие дела, совещания, и останется, — он это знал наверняка, — дежурный. Вот к нему-то и надо... А то, мало ли, начнут спрашивать: зачем посланы, с каким заданием?

Вечером встретились, сходили в закусочную на Ильинке. Посидели в скверике на Старой площади, где было здание горкома, там этот памятник высится гренадерам, погибшим

в русско-турецкой войне, огромный черный колокол с крестом и на нем надпись, которую Юрка, филолог по образованию, пытался разобрать:

Больше sea любви никто же имать да кто душу свою положить за други своя.

Начало смеркаться, и чувство беспокойства поневоле рождалось, как у путника, который не знает, где голову приклонит на ночь. Гринько тут уже решил, что пора идти, а Федя опять засомневался:

— Ты, Юра, иди один, устраивайся! А я пойду, пожалуй. Завтра здесь же увидимся.

— Да куда ты, чудик?

— Ничего, перебыюсь как-нибудь. На вокзале посижу, правда. Ну какой из меня комсомольский инструктор с моей рожей? Да и мне уже за сорок.

Гринько все-таки его уговорил подождать. Он один поднимется и все уладит. Федя подождать согласился и остался стоять у огромных парадных дверей. А у них одни ручки чего стоят, надраены до блеска. От одних таких ручек мороз по коже, и деру дать хочется... Гринько же, ничтоже сумняшеся, толкнул ту самую дверь и, секунду помедлив и поглядев поверх очков, двинулся вверх по широкой лестнице. Ходил по этажам, по опустевшим коридорам, мимо закрытых дверей служебных комнат. Да, переждали они с Федей добросовестно. Похоже, в здании вообще никого нет. Но этого не могло быть. Гринько твердо знал, что где-то обязательно должен быть дежурный. И действительно, между четвертым и пятым этажами услышал как будто радио или телевизор... и будто передают футбольный матч. Юрка тут вспомнил: сегодня же отборочная игра!

Дверь в просторное помещение была полуотворена. Юрка заглянул: похоже на приемную, длинный стол, телефоны, кресло. На стуле парень молодой смотрит телевизор, в самом деле, матч. Гринько зашел. Парень встал и смотрит выжидательно, не смутился, но словно Юрка его застал за каким-то домашним занятием. Что-то упрощавшее общение, уравнивающее их было в обстановке, и два молодых парня, примерно одного возраста, поглядели друг на друга с невольным интересом. Юрка-то на самом деле был постарше, но это было незаметно. Объяснил дело. Парень, молча, взял удостоверение, посмотрел. Нет проблем. Подошел к столу, открыл ящик, достал литературу с красной полосой. Вписал две фамилии. Ничего больше не спросил. Протягивает с пожеланием хорошо устроиться. «Все будет нормально». Юрка поблагодарил, кивнул. Пошел к дверям. В этот момент кто-то вдруг сильно затопал по лестнице, потом — по коридору. Мелькнула мысль: не Федя ли за ним? Да нет, вроде бы не должен; да и с чего ему так-то громко топать? Шел к двери, однако, с некоторой опаской. Вошел в комнату высокий военный в чине капитана. Четким шагом — к столу, протягивает парню пакет с печатями. Стало быть, курьер. Гринько у дверей еще оглянулся. Парень взял пакет, кивнул. «Ладно, спасибо». Военный повернулся, тем же четким шагом пошел к двери. Так до самого выхода из здания за Юркой топал по коридору и по лестнице, но не обгонял.

Гринько идет очень довольный, как просто и быстро все уладилось. Поглядывает с интересом по сторонам, на стенах всякие вымпелы висят, флаги. А у него, у Юрки, такая привычка: когда он идет один и размышляет, в особенности, когда чем-то доволен, как в этот раз, то принимает позу такую: корпус слегка вперед, идет, наклонив голову, так, чтобы глядеть было удобнее поверх очков, а руки закладывает за спину. У самого выхода из здания, у тех массивных дверей с золотыми ручками, военный почти вплотную к Юрке подошел сзади. Так Федя их увидел: впереди Гринько с заложенными за спину руками, за ним — военный. И — дикая мысль: охранник?!! Арестован?!!

И Федя побежал. Не думая ни о чем, дунул прямо вверх по Ильинке. Бежал так, как, наверно, убегали бы от смерти, если б это имело смысл. Гринько сперва опешил, а потом

дунул за ним. А что делать?! Орет тому вслед благим матом, тот ничего не слышит. Юрка, хоть моложе, но не может его догнать, и все тут. Прохожих в этот час хоть было немного, но останавливались даже ничему не удивляющиеся москвичи и глядели с изумлением, с чего бы это бегут по улице с бешеной скоростью два мужика? Сколько так бежали, бог его знает. Только, наверно, стало что-то понемногу доходить до Феди. Может, сообразил, что бежит-то за ним не вооруженная охрана, а всего лишь один осатаневший Гринько. Он оглянулся один раз на бегу, потом еще. Начал вроде понемногу притормаживать и, наконец, остановился.

— Ты что, спятил?! — орет, подбегая, Юрка.

— А я думал, Юра, тебя арестовали, еще не веря, что обошлось, виновато сказал.

Стоят оба красные, взъерошенные, дышат тяжело, глядят друг на дружку выпученными глазами.

— Дурак ты. За что меня арестовывать? — огрызнулся Гринько.

Но, по правде, он не рассердился на Федю, а только дико был изумлен, просто ошарашен. Не знал, смеяться ли ему или... И тут вдруг увидел, что тот весь посерел. И вот-вот ему будет плохо...

Юрка здорово тогда испугался. Стал зубы заговаривать, плел чего-то, начал рассказывать в замедленном, заторможенном темпе все маленькое происшествие, а сам все к Феде присматривается и думает только как бы до скамейки его довести. Дошли кое-как до скверика того самого, сели там же, на полукружье лавочек у памятника гренадерам. Может, в аптеку? Нет, ничего, Юра, все нормально. А сам явно плох. Гринько замолчал и, насупясь, глядел через очки. Федя тоже молчал. Но, похоже, понемногу начал приходить в себя. Тут Юрка снова стал его забалтывать, говорил, что тут недалеко, всего несколько остановок на троллейбусе, он знает эту гостиничку, «Урал» прозывается, не роскошная, но вполне приличная...

Жаждущих поселиться в столице нашей родины, хоть ненадолго, было, как водится, вагон и маленькая тележка, Федя и Юра сразу это увидели, как только вошли в просторный вестибюль; тут и иностранцы, и наши, командировочные и приехавшие на какой-то симпозиум, и просто люди по своей личной надобности, туристы. Одни стояли в очередь к администратору, другие, вовсе безнадежные бедолаги, по креслам и диванам жались у стен, надеясь на чудо.

Юрка предъявляет тут свою literу с красной полосой. Эффект. Без очереди в два счета им все оформили. Дальше тоже полный порядок. Номер люкс. Розовые шторы, гардероб, цветной телевизор, холодильник. Графин, стаканы на столе. Пушистые пледы на койках. Гринько тут же плюхнулся на этот плед, сняв, правда, ботинки. С улыбкой на Федю глядит, мол, ну что скажешь? Тот еще не совсем вроде отошел, но тоже улыбается, смущенный и растерянный от такого невиданного комфорта.

— Ну, Юра, — только сказал и развел руками.

— Я же тебе говорил, что все обойдется, — голос у Юрки стал тенористее, так всегда бывает, когда он доволен.

— На такие вещи, — еще добавил, — я всегда шел элементарно! — и, повернув голову, просительно, глядя поверх очков. — Там пивка у нас случайно не осталось?

Маленький, почти забавный отечественный случай.

НАШЕ ВРЕМЯ

Это — небольшая зарисовка из сравнительно недавнего времени, но ставшего уже тоже, наверное, историей. Тогда, когда это происходило, за несколько лет до перестройки Горбачёва, по некоторым приметам показалось, что вырисовывается, обозначается какой-то психологический признак общества, новый генотип, сложившийся за прошедшие десятилетия советской власти.

В тот день на Красной площади хоронили маршала. Имя его звучало легендой в Гражданскую войну, а сейчас, в наше время, его не то чтобы подзабыли, но оно тоже вошло в историю. Был ненастный день поздней осени. С неба все время что-то сыпалось, то дождь, то мокрый снег, замелькивая быстро проносящимися пятнышками многоцветную громаду Храма Василия Блаженного. Площадь быстро заполнялась людьми. Не то чтобы все были такими активными и, прошу прощения, патриотичными, но, по совковому обыкновению, отпускали в тот день с работы, в основном, служащих ближних конторок, институтов, разных заведений и посылали «стоять». Люди шли без возражений, уже к этому делу привычные; к тому же можно было выгадать, не возвращаться в этот день на работу по негласному разрешению начальства с предупреждением — раньше времени с места стоянки не смываться, ни-ни. В толпе становилось тесно; группки стояли близко одна от другой; много было женщин. По переходному сезону одеты кто как: в курточках, плащах, подбитых мехом. В разных местах стояли мужчины, моложавые, худошавые, с замкнутыми лицами, в шляпах и перетянутых в талии плащах. Говорят, их и по ботинкам можно было узнать. Как начаться церемонии, сыпать с неба перестало, но свинцовые тучи лишь плотнее сомкнулись и низко опустились над площадью. В разношерстной толпишке болтали, смеялись, поеживались от холода и поглядывали на черные круги часов на Спасской башне: скорей бы уж началось.

Недалеко от витрины ГУМа расположилась группа женщин, они пришли из института патентной информации, что за Москворецким мостом. Центром была блондинка, моложавая, эффектная, с голубыми глазами, в которых временами играло холодно-насмешливое выражение. Она была в шубке из натурального меха с широкими рукавами, на которых висели, на каждом рукаве, по две дамы. Блондинка была заведующей небольшой редакцией, она заняла эту должность совсем недавно, говорили, что по протекции заведующего отделом. Их «сняли» с обеда, женщины не успели и чаю попить и сейчас рылись в сумочках, доставая съедобное: бутерброды, булочки, конфетки. Подшучивали над Катюшей, она одна успела забежать в Пельменную. Катюша, полная, румяная, стояла в сторонке и посмеивалась.

— Сама как пельмень, — сказала Людочка, очень худая девица, совсем молоденькая, с черными глазами латиноамериканского разреза в пол-лица.

— Из самой можно пельмени делать, — необидчиво подтвердила Катюша.

Вот за гранитными плитами алтарной преграды коммунистического алтаря произошло движение, и на трибуне Мавзолея встал над толпой ряд военных в серых шинелях со знаками отличия. Церемония началась. Все лица повернулись туда, площадь притихла.

— Надо же, — испуганно тараща глаза-махаоны, протянула Людочка, — а я думала он уже давно у-умер.

У нее покраснел носик. В широком плаще желтого цвета, висевшем на ней балахоном, она была похожа на сказочного Пьеро и все просила предупредить, когда повезут катафалк: она боится траурной музыки и заткнет уши.

Дама в синей курточке, скользнув взглядом по фигуре начальницы, заметила негромко:

— Вроде рано еще в мехах.

Ответом ей был долгий выразительный взгляд. В глазах блондинки что-то блеснуло и тут же угасло.

— Такая уж я мерзлячка, — сказала, улыбаясь.

Между тем на трибуне уже выступал оратор. Это был старый, очень старый генерал, его подвели, держа под руки. Он был маленького роста, говорил невнятно и плакал. На него поглядывали с сожалением. Зато площадь словно вздрогнула, и все головы повернулись к трибуне, когда раскатился над толпой зычный бас, привыкший командовать армией, следующего оратора. Хоть это тоже был старый вояка, но видом богатырь, высок и могуч в плечах, голос его эхом отдавался во всех концах площади. Имя его еще не было списано в историю, он был, кажется, тогда действующим министром обороны. Через два года будут хоронить и его.

— Галина Фёдоровна, — наслушавшись этого маршала, обратилась дама-блондинка к даме в синей курточке, — вы, говорят, сделали сегодня симпатичную покупку? Покажите! Развернули маленький сверточек, в нем оказались кружевные трусики.

— Какая клевость! — воскликнула Людочка.

— Сколько, вы говорите? И совсем недорого! Здесь купили? — блондинка кивнула небрежно в сторону витрины ГУМа.

— Нет. Сидоренко утром принесла.

— Сидоре-енко, — протянула блондинка. — Не помню такую.

— Вы ее не знаете. Она у нас больше не работает. Она теперь горничная в гостинице, в Бухаресте, вполголоса забормотали дамы, висевшие на рукавах у начальницы.

— Ка-а-ак?! Из института — в горничные?! — в глазах блондинки заиграла насмешка.

— Она и раньше хороводилась с иностранцами, — одна из дам-нарукавниц пригнулась к локонам блондинки и что-то шептала.

Выступавших один за другим ораторов на трибуне уже почти никто не слушал. Люди все чаще поглядывали на круглые часы на башне. Снова посыпал легкий снежок, падавший на кружевные трусики и на непокрытые головы и плечи седых военных. Где-то в углу площади раскрылся пестрый зонтик. И вскоре все обширное пространство запестрело, покрылось яркими пятнами. Ну понятно, осадки... Хотя Галина Фёдоровна, у которой в сумочке лежал самый тогда дорогой и модный японский зонтик «Три слона», не подумала его открывать и даже проворчала, что не сахарные, не растаяли бы. Дама-блондинка тоже не раскрыла зонтик. Островками среди толпы стояли одиночки, задумчиво обводя глазами ближнее пространство, почему-то считая неловким и несоответствующим моменту вызывающую пестроту, которой это пространство вдруг украсилось. Словно немое еще почудилось противостояние между застывшими, словно гранитные монументы, военными наверху и молча глазевшей на них снизу масса из-под ковра разноцветных зонтиков. Реликты, вышедшие из своего звонкого героического прошлого, жившие по другим законам, они смотрели и не узнавали, не понимали этой толпы.

Неожиданно снизу, из-за Мавзолея, показался и медленно поплыл в воздухе угол красного и черного катафалка, и мерные, тянущие за душу звуки траурной музыки зазвучали. Не успели предупредить Людочку, она заметалась, тараща глаза-махаоны. Заткнула ли она уши, никто уже не видел, все смотрели туда. Военные с непокрытыми головами тоже все повернулись и смотрели назад и немного вниз. Они с трибуны видели катафалк, всей же массе на площади по-прежнему был виден только верхний край его. Люди приподнимались на цыпочки, даже подпрыгивали, стараясь разглядеть траурный кортеж, но мешали гранитные плиты, трибуна и Мавзолей, а также плечи и спины впереди стоявших. Вот увидели,

как над толпой, над зонтиками и головами, поднялась рука. Приглядевшись, заметили зажатое в ладони маленькое дамское зеркальце. В него смотрела женщина. Просто одетая во что-то мышино-серое, она, не обращая внимания на окружающих, вертела зеркальцем, стараясь «поймать» траурное шествие. Вызывающе-капризное выражение застыло на немолодом и некрасивом лице. Толпа единым духом переняла почин, и мгновенно здесь и там взлетали руки с зеркальцами, некоторые дамы держали раскрытые пудреницы. Целый лес рук встал взамен закрывающимся зонтикам, да и снег почти перестал. Бог знает, помог-ло ли им увидеть что-нибудь... но это выглядело странно; по-новому усложненно; неуместной и даже немного дикой показалась эта раскованность плебса.

Это происходило где-то в семидесятых годах уже прошедшего века, но все равно это было — наше время, о котором столько сказано было в последующие годы перестройки; окончательный суд скажут потомки, — наше время, осененное тенью мрачных цезарей, взрастившее эту толпу, когда десятилетиями люди жили точно в вате, научившись лишь выживать при всех обстоятельствах; были среди этой толпы те, кто самостоятельно, своим умом и по своим впечатлениям сумели дозреть, осмыслить, что-то узнать и понять, но — сколько ни кричи об этом, никто не услышит, а если и услышат, лишь обернутся и посмотрят, — молча, как на сумасшедшего. И всю ежедневную и ежечасную, пропитавшую жизнь ложь видели и слышали и копили в себе, прорывалось лишь иногда приступами неожиданной озлобленности... Озлобленность даже почему-то стала казаться признаком порядочно-го и открытого перед своей совестью человека... И глухие, яростные стоны не были слышны; их заглушало повсюду раздававшееся мерное, приглушенное туканье... А это вся страна... выбивала, ну да, прошу прощения за аллегорию, выбивала ковры, это как бы стало характерным ритуалом, если хотите, символом нашего времени, повсеместное и во все времена года туканье; выходили по первому снежку, семьями в выходные и будни и в праздники, но также и летом — тукали, тукали, и этим словно задавался, — пришедший на смену невидимым вихрям, сжатию и расширению стремительных масс, — ритм нашей жизни? — нашего времени?

Прозаик, поэт, критик. Родился в 1971 году в поселке Холмский Абинского района Краснодарского края. Окончил школу в г. Петропавловске-Камчатском. Выпускник МГУ им. М. В. Ломоносова. Стихи печатались в «Знамени», «Новой Юности», «Арионе», «Зинзивере», малая проза выходила в журналах «Октябрь», «Новый берег», «Волга» и др. Автор многих книг прозы. Лауреат Волошинского литературного конкурса. Книги рассказов неоднократно входили в короткие и длинные списки премий «Национальный бестселлер», премия им. Фазиля Искандера, премия им. Левитова и др. Рассказы переводились на немецкий, английский, китайский и турецкий языки. Живет в Симферополе.

ЮГ

ПОГУЛЯЛИ

Мы, конечно, погуляли. Без жен гуляли. Три дня. Нас в книжный отпустили, а мы в Ялту ездили, в Алупку, в Феодосию, в Красные пещеры лазили, на Чуфут-Кале поднялись.

И вот идем по набережной Алушты, Игорь видит павильон «Крымская косметика» и говорит:

- Надо зайти.
- Зачем? — спрашиваем мы с Сашей.
- Жена у меня крымскую косметику любит, — говорит Игорь.
- Ты думаешь, нас это спасет?
- Верь мне, — говорит Игорь.

Заходим в павильон и спрашиваем:

— А вот если три дня гулять без жен, то что надо купить, — а Игорь так тянется за кремом ночным за 300 рублей.

Продавщица на нас нежно и любя смотрит и говорит:

- Если три дня не были, то это вам не крем надо покупать, а целый набор.
- Набор, — удивленно спрашивает Игорь.
- Набор, — кивает продавщица и достает с верхней полки розовую коробку с ленточками за 4 тысячи.
- Поможет? — спрашивает Саша.
- Поможет, — любя говорит продавщица и достает еще две коробки.

Саше и мне.

- А может, крем за 300, — говорю я, рассматривая коробку.
- Нет, — тепло и любя мотает головой продавщица.

Ну, купили мы и сели в такси, чтобы к женам ехать, а Игорь сел на заднее сиденье, затянулся и говорит:

- Если мы такие хорошие и коробки купили, то еще дня два гулять можно.
- И мы поехали в Севастополь.

ЖУРНАЛИСТКА

Журналистка звонит с телевидения.

— Здравствуйте, Вячеслав Анатольевич.

— Здравствуйте, — отвечаю.

— Хотим сюжет снять.

(Вот, — думаю, — давно пора снять, десять книг написал, в Южном городе живу пятый год, премии дают всякие.)

— О ком? — в предвкушении спрашиваю.

— О коте вашем.

Я так и сел:

— О каком коте?

— О вашем коте, о котором вы рассказы пишете.

— А че о нем снимать, вы лучше обо мне снимите.

— О вас, — говорит, — никто смотреть не будет, а вот о котах все любят смотреть.

И кот такой сидит на тумбе, смотрит на меня и как бы спрашивает: «Ну вот, давай, Слава, проверим твое тщеславие».

Я подумал и отвечаю:

— Не может он сейчас.

— Почему не может? — спрашивает журналистка.

— Он обдумывает сюжет моего будущего рассказа.

— Так за вас рассказы кот пишет? Как это интересно! Какой поворот! За писателя рассказы пишет кот. Надо обязательно снимать.

Тут я не выдержал. Бросил трубку.

А кот так смотрит с тумбы и в его глазах читается: «Сволочь ты, Слава, сволочь».

ЮГ

Приходишь покупать стельки за 50 рублей. Тебе предлагают ортопедические за 1800. Ты говоришь, что с ногами у тебя все нормально. Продавщица меряет ноги, взвешивает ноги, долго рассматривает ноги, находит плоскостопие, вывих, мозоли, артрит и остеохондроз. Ты в страхе покупаешь ортопедические стельки. Дома вставляешь их в кроссовки, и вдруг оказывается, что там в центре специальный медицинский бугорок и нормально в них ты ходить не можешь. Просто болят ноги. Идешь возвращать ортопедические стельки. Продавщица на твой возврат смотрит уничижительно. Она говорит, что к бугорку надо привыкать месяц, другой. Снова напоминает о тех болячках, которые она же здесь, в закутке, и обнаружила. В страхе возвращаешься домой, пытаешься две недели привыкнуть. Не привыкаешь, второй раз несешь ортопедические стельки обратно, но, оказывается, срок возврата истек. Покупаешь у той же продавщицы обычные стельки за 50 рублей, несмотря на найденные этой же продавщицей болезни. Радостно носишь обычные стельки за 50 рублей.

МЫШЬ

Мышь во дворе завелась. В доме нет, а во дворе живет. В старой газовой плите, которую хозяин квартиры заменил на новую и оставил в углу двора гнить на улице. Вот там мышь и живет.

Смотрю на своего кота.

— Давай, — говорю, — иди поработай котом! Я о тебе столько рассказов сочинил. В рассказах ты и 20 мышей за раз поймал, и двух крыс, и гадюку, и на кролика покушался. Иди лови живую мышь!

Кот вышел во двор, подошел к газовой плите, сидит слушает мышиную возню.

И слушает так сладко-сладко, видимо, нравится ему звук мышинной возни.

В итоге мышонок вылез из газовой плиты, а мой кот вместо того чтобы схватить мышонка зубами, как даст ему лапой по лбу.

Но несильно. И вот сидят они посередине двора. Мой кот и мышонок.

— Хрен, — говорю тебе, — а не вискас, пока мышонка не поймаешь, чемпион прозаический.

А кот так смотрит на меня и в глазах читается:

— Отпусти меня, старче, я уже болен и стар, мне 15 лет, по человеческому лет 70.

— Ладно, — говорю, — иди к своему вискасу, все равно мышонок не жилец. Тут дворовых котов больше, чем мышей.

Ну и пошел кот в дом, а мышонок в газовую плиту.

ТУФЛИ

Увидел в магазине мягкие теннисные туфли без шнурков, любимой фирмы, которые только с ложкой надевают. У них еще есть общее название, но я все время забываю. Надел 43, жмет. Надел 44, большие.

— 43 расходятся, — говорит продавщица.

Взял 43, весь день ходил — больно большому пальцу на правой ноге.

«Расходятся», — зло так думаю.

Еще поносил пару дней и понес обратно, менять на 44-й.

Несу и думаю: «Совсем дрянь моя любимая фирма стала делать, фуфло китайское гонят».

Пришел в магазин.

— Ну-ка походите, — говорит продавщица.

Хожу, хожу.

— Жмет, — говорю, — несите 44.

А продавщица вдруг говорит:

— А что это у вас торчит?

— Что торчит? — спрашиваю.

— Картон торчит.

— Какой картон?

— Вы распорки картонные вынули?

— Какие распорки?

— Ну-ка, снимайте!

Я снял. Она сует руки в туфли и вынимает картонные распорки такие. Я смотрю удивленно и думаю: «Вот во что палец упирался».

Продавщица улыбается.

— Наденьте, — говорит.

Надел, хожу, счастье.

Иду домой — сияю. Думаю: «У меня еще одни туфли жмут, надо распорки вынуть».

КРАСНОЕ И БЕЛОЕ

Идешь такой усталый с работы, заходишь в Красное и Белое, и рука так и тянется к двум банкам пива Жигуль. И вдруг внутренний голос:

— А возьми, Слава, бутылочку шампанского Асти.

— С чего это? — офигиваешь ты.

— Ну зачем ты берешь это пойло, а тут красивый итальянский напиток.

— Так он стоит 1200 рублей, а пиво 53.

— Ну что тебе жалко? Тебе, что мало денег платят в банке?

— Так, — говорю, — выпьешь две банки пива и спать, а утром спокойно на работу, а с Асти, что?

— Что?

— Что-что. С Асти Мерседес нужен к дому, женщин легкого поведения, цыган, медведей, гитарную струну, какая потом утром работа?

— Да, — говорит голос, — один разврат у тебя в голове, а ты выпей Асти и спать.

— Откуда ты взялся такой умный в голове, — говорю, — может хотя бы Крушовицу вместо Жигуля.

— Нет, Асти, не торгуйся, — говорит голос.

И вот иду я домой, у меня в пакете полбуханки бородинского хлеба, кефир Домик в деревне, луковица, банка кильки в томате и бутылка итальянского шампанского Асти-Мартини.

ТАМАГОЧИ

У племянника умер тамагочи. Зная, что последнего известного мне тамагочи племянник назвал Дядя Слава (мной), я с горестью спросил, не Дядя Слава ли это умер.

— Неа, его пра-пра-пра-правнучка.

Меня обуяла гордость за Дядю Славу. Как он чертяка расплодился. Вроде тамагочи, а жизнь знает.

— Ее хоть хорошо похоронили?

— Да нормально, как всех.

— Как всех — это хорошо или плохо?

— Хорошо, — ответил племянник и вышел из чата.

И мне вдруг стало так тепло, радостно и немного грустно на душе. Где-то там, в глубине электронного пространства, хорошо похоронена пра-пра-пра-правнучка тамагочи Дядя Слава.

СУХОЙ ЗАКОН

В санатории, где я отдыхаю, у меня сухой закон. Сухой закон на целые 22 дня, но в санаторский магазинчик завезли копченую кету. Я не ел ее 25 лет с момента моего последнего прилета на Камчатку. В Южном городе продают соленую форель и семгу, а вот копченой кеты я никогда не видел.

Я встал возле витрины и долго рассматривал кету.

— Это же кета, — восторженно спросил я продавщицу.

— Да, лосось, — ответила не понимающая торжественности момента продавщица.

— Нет, нет, это кета.

Продавщица пожала плечами.

Кету надо есть с холодным жигулевским пивом, не надо портить вкус кеты немецким или бельгийским пивом. Только свежее заводское русское жигулевское пиво тонко и чувственно оттеняет вкус камчатской копченой кеты. В крайнем случае можно есть копченую кету с бутылочным тверским пивом Венское. Бутылочное тверское Венское как раз стояло в холодильнике санаторского магазинчика.

— А Венское у вас почему? — спросил я.

— 100 рублей.

— Что-то очень дорого.

— Сезон.

В итоге я совершил дурной поступок. Купил кеты и казахской кока-колы. Не делайте, не делайте так, ребята! Это очень, очень дурной поступок.

КОНЦЕРТ

В день рождения я получил от санатория приглашение на концерт. Идти не хотелось, но мне пообещали подарок, поэтому я и пошел. Толп я не люблю, а там была толпа. Все первые, вторые и десятые ряды открытой площадки были заняты, но я нашел под кустом лежак и лег на него. Сцены не было видно, но было слышно. Тем более далеко от толпы. Артисты пели, танцоры танцевали, музыканты играли. В конце концов ведущий остановил концерт и сказал:

— А теперь поздравим наших именинников!

Зал захлопал.

— Громче, — сказал ведущий.

Зал громко захлопал.

— А теперь мы будем вызывать наших именинников.

Именинников стали вызывать на сцену, давать подарки и хлопать.

Вызвали и меня. Я не хотел идти на сцену (боюсь сцены), но за подарком вышел, встал с лежака и из кустов вышел на сцену.

Мне дали пакет и спросили:

— Кем работаете, Вячеслав Анатольевич?

— Тружусь, — ответил я.

— Хорошо трудитесь?

— Отлично тружусь, — ответил я.

— Любите наш санаторий?

— А то, — произнес я.

— Похлопаем Вячеславу Анатольевичу!

Все похлопали.

— Спасибо, — сказал я и пошел обратно в кусты на свой лежак, но лежак в кустах был занят каким-то старичком с палочкой.

Я посмотрел в пакет. Там была открытка.

Я снова посмотрел в пакет. Там опять же лежала та же открытка. Потом я посмотрел на лежак со старичком и подумал:

«Не верь, Слава, в дни рождения. Подарят открытку, а лишат лежака».

— Хорошо поют, — вдруг произнес старичок.

— Артисты, — сказал я, достал открытку и прочитал ее.

Мне желали счастья. Что может быть лучше счастья.

ССЫЛКА

В телеграм с незнакомого номера валится ссылка. Вместо того, чтобы молча заблокировать незнакомый номер, я без надежды на ответ пишу:

— Что это?

После долгого молчания мне неожиданно отвечают:

— Игра.

— А если это взлом?

— Нет игра, честно, не взлом.

— А зачем мне игра, я взрослый человек, мне 53 года.

— Поиграете.

— Не хочу.

— Можете даже не играть, просто нажмите ссылку, вам понравится.

Это все напомнило старый анекдот из 90-х о сомалийском компьютерном вирусе в электронном письме. «Здравствуйте, я сомалийский компьютерный вирус. Пожалуйста, скопируйте все файлы с жесткого диска Вашего компьютера и отошлите обратным письмом. Также просим разослать наш сомалийский компьютерный вирус еще 100 адресатам».

СКАМЕЙКА

В санатории сломалась скамейка-качалка на цепях. Отлетела спинка. Два дня валялась, а потом подошел мужичок-отдыхающий и без молотка починил.

Идет администратор, что ли, и спрашивает мужичка:

— Ты откуда?

— С Норильска.

— И что там делаешь?

— На заводе работаю.

— Надолго к нам?

— На две недели.

— А навсегда хочешь? Комнату дам, еда бесплатная, зарплата приличная.

И вот видно, как на лице мужика происходит невидимая борьба. Он, может, это море первый и единственный раз в жизни видит, по заводской путевке приехал, у него в Норильске снег лежит девять месяцев в году и мороз -40 , он, может, инжир впервые в жизни попробовал день назад.

— А жену и детей можно? — спрашивает мужичок.

— Да можно, — чешет затылок администратор.

Мужичок оборачивается и смотрит на море. Колеблющаяся полоска воды сливается с небом. Тетки сидят в шезлонгах. Бегают два щенка. На пирсе спасатели таскают луфаря. И вот мужичок стоит, смотрит и вдруг оборачивается к администратору и говорит:

— Этого не может быть.

— Что не может быть? — спрашивает ошавевший администратор.

— Этого, — и обводит рукой пространство. Потом немного думает и добавляет:

— Нет, я к братанам на завод.

Прозаик. Родился в 1958 году в Молдавии. С 1989 года живет в Санкт-Петербурге, образование высшее, филологическое. Рассказы печатались в журналах «Урал», «Зинзивер», «Дети Ра», «Крещатик», «Зарубежные записки», «Формаслов», «Иерусалимский журнал». Автор нескольких книг.

ОДНАЖДЫ НА ФЕСТИВАЛЕ

ХОРОШИЙ УРОК

В галерее «Борей», в кафе, кроме меня и критика Топорова, никого не было. Виктор Леонидович заказал пиво и котлеты, а в мою сторону, кивнув при входе, больше ни разу не посмотрел.

(«Нужно все-таки на что-то решиться, нужно его спросить, пока мы одни... — взволнованно думал я. — Рассказ, конечно, невинный... но вдруг он рассердится?»)

— Простите, Виктор Леонидович...

— Да, Саша...

— Я хочу написать рассказ...

— Пишите, — равнодушно пожал плечами Топоров.

— Виктор Леонидович, слушайте, дело в том, что я хочу написать... о вас! Вы... не будете возражать?

Великий критик взглянул на меня с какой-то смесью изумления и презрения, а потом усмехнулся и сказал:

— Саша... пишите — о чем хотите!

ЕВРЕЙСКАЯ ШАПОЧКА

Памяти поэта Павла ПРЕСНЯКОВА (Тибула КАМЧАТСКОГО)

Последний раз я видел Пашу, когда было сорок дней у Жени Мякишева.

— Саша, а ты знаешь, что я — еврей? — сказал Паша, когда мы шли к могиле, — недавно это выяснил...

— Паша, не выдумывай!

— Точно-точно, еврей самый настоящий, по отцовской, и вроде даже и по материнской линии. Некоторые родственники это подтвердили. Я, конечно, на еврея не похож, но вот мой брат — вылитый еврей! Документов нет, но я в своем еврействе уверен.

— Ну, и что ты теперь будешь делать? — вздохнул я.

— Не знаю, — задумчиво ответил Паша. — Возможно, пойду в синагогу.

— Хорошо, Паша. У меня есть с собой кипа. Она совсем новая, я тебе ее подарю.

— Кипа, это такая еврейская шапочка, да? — обрадовался поэт. — Подари, Саня. Мне она очень нужна!

Паша потом весь вечер стоял в кипе на могиле Жени Мякишева и о чем-то долго говорил с поэтом Вадимом Макаровым.

ТЫ ЕГО НЕ ЗНАЕШЬ?

Поэта Юрия Ряшенцева очень любил мой друг критик Эмиль Сокольский. Он с восторгом рассказывал, как пил с ним водку, когда гостил у Юрия Евгеньевича в Переделкине:

— Представляешь! Ему 90! А пьет как нормальный крепкий мужчина... и поэт хороший. Ты что — его не знаешь?! Не знаешь? Ну вспомни... Юрий Ряшенцев. Он еще стихи к мушкетерам написал!

ОДНАЖДЫ НА ФЕСТИВАЛЕ

Однажды на фестивале «Центр весны», который проходит в Саратове, к поэту Евгению Морозову, человеку высокому, подошел поэт Евгений Мякишев, рост которого далеко за метр девяносто.

— Почему не пьешь?

— Здоровье не позволяет, — печально вздохнул Морозов.

— Смотри, — решительно сказал Мякишев, — ты такой большой... ты должен здесь все выпить, все съесть и всех трахнуть!

СПАСАЙСЯ, БЕГИ!

Если молодая красивая женщина — поэтесса — вдруг однажды спросит в ночи:

— Слушай, а кто твой любимый герой?

Умолкнешь в растерянности, а она, не дождавшись ответа:

— Мой — Маленький Принц Экзюпери!

Умиленный, крепче обнимешь ее и решишь: наверное, она не только хороший поэт и красивая женщина, но еще и верный друг, надежный товарищ!

Но когда потом, при свете дня ты разглядишь, что этот маленький принц выколот у нее на руке, ноге или спине...

Читатель, спасайся — беги!

Поэт, прозаик, эссеист. Родился в 1967 году в Москве. Впервые опубликовался как поэт в 1996 году в журнале «Литературное обозрение», как прозаик — в 2007 году в журнале «Florida» (США). Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая Собрание сочинений в 5 томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Израиля, Эстонии, Ирана, Канады, США. Дважды лауреат международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (США). Лауреат золотой медали творческого клуба «EvilArt». Отмечен наградой Санкт-Петербургского общества Мартина Лютера. Награжден юбилейной медалью портала «Парнас». Номинант премии «Паруса мечты» (Хорватия). Государственный стипендиат Союза писателей Москвы. Почетный сотрудник Финансовой Академии при Правительстве РФ. Стихи переведены на итальянский и польский языки. В 2013 году вышла книга «Вокруг Александра Балтина», посвященная творчеству писателя.

ВРЕМЯ ПАДАЕТ НА ЗЕМЛЮ

(К 90-летию Геннадия Айги)

Действительность в стихах становится другой; изображение ее, помещенное в слово, кажется зыбким, данным по-новому, сложно и утонченно:

чтоб голову склонить
мой косогор печальный!
и волосы по ветру
как будто темью в воздух: все вдаль и вдаль — паденьем!
по ветру до могилы
(душа лишь одинокая — душа!)
и шевеленьем — шепот (с остатками рыдания)
с полынью — будто с явью
(как в-крохах-осяземо!)
единственного в мире
(как будто — вот: душа! — и руку — будто в воду!)
и очень-моего
сырого одиночества...

Трудно разрывать стихотворения Айги для цитирования; они идут цельностью и целостностью, вовлекая в поток свой, расплавленно-клубящийся, иногда — напротив: солнечно-успокаивающий...

Вот душа: рядом же, а! в тебе, в другом, нет — все опять упирается в недра сырого одиночества.

Страшно ли?

Стремительные глаголы осиливают страх.

...Стихи Геннадия Айги возникают вспышками, перекликаясь и с тонкими контурами японской поэзии, и с экспериментами Хлебникова, и с игрою смыслов Дилана Томаса:

время падает на землю
 более-зримым: снег —
 поля раскрываются чтобы — чисто и ясно —
 хоронить настроения —
 (открыть — другие) — время — такое
 (все — к свету!) —
 и вдруг — снег — прошел

Время падения яблок... нет: крошки снега, внутри каждой снежинки мир... Айги, как Филонов, стремится разъять реальность на части, чтобы явить новую целостность.

Снег замечает все предметы, сыплется с потолков, покрывает обыденность, чтобы сделать ее необычной...

Так видел Айги.

Человек — в определенной мере — гарантия бытия, поэтому:

чистота тропинки
простота воды —
и такое небо — будто снится
этой выси — никому неведомая
очень — даже очень уж — другая
бедность ясная Земли —
в нас немного говорящей:
«пока мы в мире есть
дым — в трубах изб — играет»

И чистота, и простота сходятся, сияющими лучами наполняя мир, который представляет Айги температурой тайны: да, температура сердца и души должна быть повышенной для словотворчества, для мистерии поэзии...

«Бедная ясность Земли» врывается в сознание новым горизонтом: когда не — новой правдой, окрыляющей стоически-по-доброму...

К первотворению прикасаясь, волхвует на манер шамана поэт:

дом — или мир
где я в погреб спускался
белый был день — и я
за молоком — это долго держалось
спускаясь со мной: это был
день — как река: наплывающего
расширения света

в мир перекидываясь: я
события был — творцом
в возрасте
первотворений...

Переливаются разноцветно шарики слов.

Время тикает в висках, в сердце, напрягается в мышцах, никогда не кончаясь, играя деревенскими ходиками, оставляя поэтические дерзновения — ради новых прочтений, истолкований, грядущего понимания...

Александр БАЛТИН

«О ВЕЧНОМ ПРИМИРЕНИИ И ЖИЗНИ БЕСКОНЕЧНОЙ...»:

роман И. С. Тургенева «Отцы и дети»

Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1861) — одно из вершинных достижений отечественной классики. Его внутренний свет не потускнел под налетом хрестоматийно-школьного глянца и вульгарно-идеологических трактовок, в том числе и режиссерско-постановочных. Несмотря на кажущуюся доскональную изученность, вот уже более чем полтора века не угасает стремление к постижению бесконечно богатого образного мира романа; не прекращаются попытки проникнуть в его «святая святых».

Конфликт поколений в «Отцах и детях» с поверхности текста переходит во внутренние, глубинные пласты, в сферы внетекстовые. За внешней сюжетной основой встают вопросы религиозно-философские, и главный из них — о сокровенном смысле жизни. Размышления о ее мимолетности; сознание того, что каждый неизбежно встретит смерть один на один: «Старая штука смерть, а каждому внове» (7, 182); метафизическое одиночество (философия «космического пессимизма»), свойственные складу тургеневского художественного мышления, постепенно преодолеваются на путях признания высшей трансцендентной сущности человека.

Тургенев уверен, что «только с духовным началом, с идеалами может так глубоко сочетаться наш дух, наше мышление» (I, 436). Ощущение причастности к всеобщей вселенской гармонии Божьего мира расширяет духовные горизонты личности. Человек не столь трагически переживает свою «временность» и «конечность», предчувствуя свою родственность чему-то «высшему» и «вечному».

Без образа Божия жизнь безбожна, безобразна и безобразна. Отсутствие веры писатель признавал как неполноценность, ущербность, обделенность и обедненность личности. Графине Е. Е. Ламберт Тургенев

писал: «Да, земное все прах и тлен — и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру — имеет все и ничего потерять не может; а кто ее не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что я сам принадлежу к неимущим! Но я еще не теряю надежды <курсив мой. — А. Н. - С.>» (III, 61).

Христианские упования писателя нашли выражение в образах религиозно одаренных людей — таких, как Лиза Калитина («Дворянское гнездо»), Лукерья («Живые мощи»), — которых автор создавал с чувством величайшего благоговения. В религиозных переживаниях видит Тургенев источник внутренней силы и нравственной чистоты. Стихотворения в прозе «Христос», «Монах», «Молитва» свидетельствуют о «томлении духа», духовной жажде, потребности писателя в Богообщении: «Только такая молитва и есть настоящая молитва — от лица к лицу» (10, 172).

В романе «Отцы и дети» проявилось осознание духовной высоты христианского чувства, православной церковной традиции. Соборование нигилиста Базарова в сцене его смерти не выглядит неожиданностью, но — наоборот — подчиняется внутренней художественной логике тургеневского произведения.

Православному Таинству Соборования отведены лаконичные строки внутри единственного абзаца, посвященного последним мгновениям земной жизни главного героя. Крайне сдержанно сказано о церковном чинопоследовании христианского напутствия умирающему перед его уходом на суд Божий: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии» (7, 183).

К слову, священник — отец Алексей — фигурирует в нескольких произведениях Тургенева, созданных после «Отцов и детей». В рассказе «Живые мощи» (1874) отец Алексей христиански поддерживает болящую Лукерью. Впоследствии писатель создал, по его жанровому определению, «легендообразный рассказ» — «Рассказ отца Алексея» (1877), указывая в письмах на его невымышленный источник: «(действительно сообщенный мне) рассказ одного сельского попа о том, как сын его подвергся наущению дьявола (галлюцинации) — и погиб» (9, 468). Реальный отец Алексей — священник прихода, к которому принадлежало имение писателя, — упоминается Тургеневым в письме к Н. А. Щепкину: «Поп Алексей просит 15 осиноков» (9, 468).

Несмотря на чрезвычайную сжатость (а, возможно, именно благодаря такой немногословности), эпизод Соборования в «Отцах и детях» обращает вдумчивого читателя к скрытым пластам романа, вербально не выразимым в своих сокровенных глубинах. Ассоциативный подтекст христиански высвечивает своеобразие поэтики Тургенева, особенности его художественной манеры «тайного психологизма». Писатель останавливается на пороге непостижимой земным разумом загадки души и Духа, человека и мира, вечной неумирающей жизни.

Обрисованный в нескольких словах православный обряд представлен как истинное *Таинство* — в нем ощущается величайшая тайна. Тургенев пишет о Базарове: «Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице» (7, 183–184).

Загадочен этот последний эмоциональный всплеск главного героя романа. В чем кроется источник «содрогания ужаса» прежде бесстрашного нигилиста — титанической личности, отвергавшей Бога и отрицавшей бессмертие, самоуверенно бросавшей вызов Провидению?

Идейный вождь русского нигилизма Д. И. Писарев, анализируя сцену смерти Базарова, утверждал, что тот «не струсил», «не изменил себе», «не оплошал»¹. Герой, который умеет

умирать «спокойно и твердо», не отступит перед препятствием и не струсит перед опасностью, — резюмирует критик. Он недалек от истины, расценивая сцену смерти Базарова как апофеоз романа, хотя в угоду тенденциозной односторонности интерпретирует эту сцену в революционно-нигилистическом смысле: «Нигилист остается верен себе до последней минуты».

Тургеневский герой действительно держался стойчески-мужественно в течение своей предсмертной болезни. Однако Писарев, по всей видимости преднамеренно, не пожелал отметить и обошел молчанием тот факт, что в последние мгновения жизни при Соборовании неустрашимый Базаров испытал не просто страх, но неопиcуемый ужас. Современные исследователи до сих пор теряются в догадках: «Что это? Запоздалое раскаяние? Или, наоборот, бунт атеистической души?»². Объяснений нельзя искать вне сложной динамики связей тургеневского творчества с религиозно-нравственными основаниями русской культуры, с традициями христианской духовности.

Согласно православному катехизису, Соборование — одно из семи церковных Таинств, в котором «при помазании тела елеем призывается на больного благодать Божия, исцеляющая немощи душевные и телесные»³. Таинство уходит корнями в Священное Писание, имеет Богоустановленный характер и берет свое начало с апостольских времен. В Евангелии от Матфея сказано, что Сам Христос послал апостолов на благодатное делание телесного и духовного врачевания: *«И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь»* (Мф. 10: 1). Это был не только величайший дар, но и задание. Господь заповедал апостолам: *«Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте»* (Мф. 10: 8).

Ученики Христа, получив *«власть над нечистыми духами»* (Мк. 6: 7), *«пошли и проповедовали покаяние; изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли»* (Мк. 6: 12–13). Апостолы передали это Таинство церковным священнослужителям. Святой апостол Иаков в Соборном послании наставляет: *«Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему»* (Иак. 5: 14–15).

Согласно христианскому вероучению, большинство болезней физических являются следствием греха, тогда как сам грех — болезнь духовная. Таким образом, кроме телесного исцеления, в Таинстве Соборования прежде всего молитвенно испрашивается врачевание души больного, отпущение его грехов.

Определение, представленное в примечаниях к роману «Отцы и дети» в Полном собрании сочинений Тургенева: «Соборование — церковный обряд у постели тяжело больного или умирающего с помазанием его тела елеем» (7, 469), — не совсем корректно. С точки зрения катехизиса, Таинство может совершаться не только над страдающими от тяжелых физических недугов или умирающими. К Соборованию, испросив благословения, могут приступать все православные христиане, достигшие семилетнего возраста. При этом они необязательно должны быть подвержены телесным немощам. Такое состояние души, как уныние, признаваемое смертным грехом, скорбь, отчаяние, даже называемая пушкинским словами «русская хандра» и т. п., — может быть следствием нераскаянных грехов, неосознаваемых самим человеком. В этих случаях также прибегают к благодатной душеспасительной силе Таинства. Существуют традиции совершения общего Соборования и над больными, и над здоровыми людьми в дни Великого поста на Крестопоклонной или на Страстной Седмнице, вечером перед Великим Четвергом или Великой Субботой.

Таинство Елеосвящения в обиходе именуется Соборованием, поскольку, согласно уставу Церкви, его полагается совершать семи священникам (собору священнослужителей). Число семь — сакральный знак Церкви и ее полноты. Само чинопоследование Таинства состоит в прочтении семи различных отрывков из Евангелия и Апостола, повествующих о покаянии, об исцелении, о необходимости веры и упования на Бога, о сострадании и милосердии. Церковь также допускает совершение Таинства тремя, двумя и даже одним священником — с тем, чтобы он служил от лица собора иереев, совершая все молитвы, чтения Священного Писания и семикратно помазывая елеем болящего⁴. Соборование допустимо не только в храме, но и в домашних условиях.

Основные моменты видимой составляющей Таинства Елеосвящения (Соборования) — семикратное помазание освященным елеем частей тела больного (лба, ноздрей, щек, губ, груди и рук). Каждое из семи помазаний предваряется чтением Священного Писания, молитвой об исцелении болящего и о прощении его грехов. Непосредственно при помазании читается молитва веры; на голову приступившего к Соборованию возлагается Евангелие вниз письменами; в заключение читается разрешительная молитва от грехов.

Внешняя обрядовая сторона священнодействия в то время, когда создавался тургеневский роман, была известна каждому православному. Возможно, поэтому автору не представлялось необходимым изображать картину Соборования Базарова во всех деталях. В то же время Тургеневу в свойственной ему манере писательской деликатности и человеческой чуткости удалось прикоснуться к сокровенной сущности Таинства, его духовному наполнению. Невидимое действие благодати Божьей, подаваемой в Таинстве Елеосвящения, заключается в том, что соборующийся исцеляется от порождений греха, получает духовное подкрепление и очищение.

В романе «Отцы и дети» приходской священник, совершая Таинство от лица собора, по всей видимости, строго придерживается развернутого канонического чинопоследования. Об этом свидетельствуют приведенные выше слова Тургенева: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии» (7, 183). Важно обратить внимание на форму множественного числа: «обряды». Для адекватного постижения смысла эпизода необходимо учесть, что Соборование тесно соединяется с другими православными Таинствами — Покаянием (исповедью) и Причащением Святых Христовых Тайн. Если Соборование совершается дома у тяжело больного или умирающего, то вначале, как правило, следуют Исповедь и Причащение, чтобы болящий — ввиду явной опасности близкой смерти — успел принять последнее напутствие как залог вечного блаженства.

Следует подчеркнуть, что Причастия не бывает без покаянной исповеди. В то же время исповедаться человек может, только находясь в здравом уме и твердой памяти. Единственное требование Церкви, напутствующей умирающего, чтобы тот находился в сознании. Над больными в бессознательном состоянии Причащение не совершается. Так, в тургеневском «Рассказе отца Алексея» священник вспоминает о смерти своего сына без покаяния: «А как слег Яков, сейчас в беспамятство впал, и так, без покаяния, как бессмысленный червь, отошел от сей жизни в вечную...» (9, 131).

Текст тургеневского романа не позволяет с точностью утверждать, исповедал ли свои грехи Базаров перед кончиной. «Базарову уже не суждено было просыпаться, — пишет Тургенев. — К вечеру он впал в совершенное беспамятство, а на следующий день умер» (7, 183). И только затем следует авторское замечание о совершении предшествующих смерти религиозных обрядов. Поэтому, обращаясь к реконструкции действия, нельзя отрицать и такого, например, развития событий, при котором Базаров мог ненадолго прийти в себя

и, очнувшись от забытья, принести хотя бы краткое покаяние, односложно ответив на вопрос духовника: «Каешься?», — «Каюсь».

Прямая христианская обязанность родных и близких смертельно больного — своевременно дать ему возможность православного напутствия перед кончиной. Этот мучительный родительский долг пытается с честью исполнить Василий Иванович Базаров — истинный православный христианин. Будучи опытным лекарем и наблюдая за симптомами в развитии болезни, он тревожится о том, чтобы сын успел через Таинство Причащения осознанно приобщиться к спасительной силе жертвы Христа на Голгофе. Мука, терзающая старика-отца, теряющего единственного сына и призывающего его к душеспасительному Таинству, столь велика и особенна, что Василий Иванович начинает выражаться несвойственным ему высоким слогом, изумляющим Базарова. Сын невольно отвечает отцу в том же стиле, что еще более подчеркивает неординарность происходящего:

«— Евгений! — произнес он, наконец, — сын мой, дорогой мой, милый сын!

Это необычайное воззвание подействовало на Базарова... Он повернул немного голову и, видимо, стараясь выбиться из-под бремени давившего его забытья, произнес:

— Что, мой отец?» (7, 180).

Опустившись на колени, набожный старик умоляет Базарова позаботиться о спасении души перед уходом в вечность: «Евгений, тебе теперь лучше; ты, Бог даст, выздоровеешь; но воспользуйся этим временем, утешь нас с матерью, исполни долг христианина! Каково-то мне это тебе говорить, это ужасно; но еще ужаснее... ведь навек, Евгений... ты подумай, каково-то...»

Голос старика перервался, а по лицу его сына, хотя он и продолжал лежать с закрытыми глазами, проползло что-то странное» (7, 180).

Мастер «тайной психологии» — Тургенев не анализирует и даже не называет то движение души героя, которое вызвало такую необычную, вербально не определяемую реакцию. В то же время здесь отчетливо ощутим намек на запредельность происходящего — в предчувствии инобытия.

Базаров не внял мольбе отца. Однако важно, что он не отказывается от Таинства в принципе и выражает готовность принять его позднее. Фактически Базаров дает разрешение обеспечить возможность совершения над ним священнодействия, даже если он впадет в беспамятство:

«— Я не отказываюсь, если это может вас утешить, — промолвил он наконец, — но мне кажется, спешить еще не к чему. Ты сам говоришь, что мне лучше.

— Лучше, Евгений, лучше; но кто знает, ведь это все в Божьей воле, а исполнивши долг...

— Нет, я подожду, — перебил Базаров. — Я согласен с тобою, что наступил кризис. А если мы с тобой ошиблись, что ж! ведь и беспамятных причащают» (7, 180).

Отец — бывший полковой лекарь — и его сын-медик говорят на профессиональном языке о течении телесной болезни. В то же самое время речь идет о необходимости духовного врачевания врача Базарова. Православное Таинство, не отменяя физических законов, духовно поддерживает болящего, оказывает ему благодатную душеспасительную помощь.

Таким образом, нельзя однозначно судить об абсолютном атеизме Базарова, чтобы не погрешить против художественной истины романа. Вовсе не случайно А.И. Герцен (1812–1870) усмотрел в этом эпизоде, а также в заключительных словах финального рекевиема «о вечном примирении и о жизни бесконечной» (7, 188) опасный, с точки зрения революционера и атеиста, «мистицизм». По прочтении «Отцов и детей» Герцен писал Тургеневу: «Requiem на конце — с дальним апрошем к бессмертию души — хорош, но опасен, ты эдак не дай стрелка в мистицизм» (7, 468).

Анализ заключительных глав и эпилога романа также привел советского литературоведа М. К. Азадовского еще в 1935 году к догадке о том, что Тургенев изобразил атеиста Базарова перед смертью раскаявшимся и примирившимся с «небом»⁵. Впрочем, эта крамольная для того времени мысль была немедленно полемически опровергнута с точки зрения господствовавших вульгарно-идеологических марксистско-ленинских установок.

О примирении с «небом», преодолении трагического конфликта человека с быстротечностью земной жизни Тургенев размышлял на протяжении всего творческого пути. Уже в первом романе «Рудин» герой — вечный бесприютный странник — выстрадал в конце пути истину: «Смерть, брат, должна примирить наконец...». Церковный образ потухающей лампы в финальном монологе Рудина: «уже все кончено, и масла в лампаде нет, и сама лампада разбита, и вот-вот сейчас докурится фитиль...» (5, 319) — как символ уходящей жизни — отзывается в сцене последней встречи Базарова с Одинцовой.

Героиню можно было бы назвать «дамой в трауре»: в первый раз она появляется в романе на балу у губернатора как незнакомка «высокого роста в черном платье» (7, 68); перед смертельно больным Базаровым она предстает как «дама под черным вуалем, в черной мантилье» (7, 180). Здесь завуалирован прием предвещения: с Одинцовой связаны любовь и смерть Базарова. Для него Анна Сергеевна, как и княгиня Р. для Павла Петровича Кирсанова, — таинственная женщина-сфинкс, мистически причастная роковым силам любви и смерти.

В княгине Р., пишет Тургенев, «все еще как будто оставалось что-то заветное и недоступное, куда никто не мог проникнуть. Что гнезилось в этой душе — Бог весть! Казалось, она находилась во власти каких-то тайных, для нее самой неведомых сил; они играли ею, как хотели» (7, 31). Незадолго до смерти загадочная возлюбленная Павла Петровича передала ему кольцо со сфинксом, «провела по сфинксу крестообразную черту и велела ему сказать, что крест — вот разгадка» (7, 32). Крест, крестное знамение объединяют судьбы, казалось бы, героев-антиподов. Участь старшего Кирсанова — оппонента Базарова в социально-политических спорах — проецируется на судьбу главного героя «Отцов и детей».

Англоман Павел Петрович уехал за границу, но в эпилоге мы видим его «в русской церкви, когда, прислонясь в сторонке к стене, он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начнет почти незаметно креститься...» (7, 187). Все дорогое для него похоронено, и сам он живой мертвец. Тургенев пишет: «Павел Петрович помочил себе лоб одеколоном и закрыл глаза. Освещенная ярким дневным светом, его красивая, исхудалая голова лежала на белой подушке, как голова мертвеца... Да он и был мертвец» (7, 154). Нельзя не заметить, что здесь Кирсанов внешне напоминает умирающего Базарова. «Это все равно, что класть венок из цветов на голову мертвеца» (7, 165), — с горечью говорит Базаров Одинцовой, которая отвергла его страсть, но призналась в дружеском расположении.

Брат старшего Кирсанова Николай Петрович еще ранее замечал: «Да, брат; видно, пора гроб заказывать и ручки складывать крестом на груди» (7, 46).

Финал романа увенчивают «серые деревянные кресты» на сельском кладбище «в одном из отдаленных уголков России» (7, 188), где похоронен Базаров.

Так снимается конфликт поколений в романе Тургенева. И отцы, и дети, и все новые поколения людей под сенью креста идут одной дорогой к завершению земной судьбы и к жизни вечной. Устами Аркадия писатель говорит о нескончаемом круговороте неумирающей жизни: «сухой кленовый лист оторвался и падает на землю; его движения совершенно сходны с полетом бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мертвое — сходно с самым веселым и живым» (7, 121). О том же размышляет отец Аркадия, мысленно пред-

ставляя себе покойницу-жену «молодою девушкой с тонким станом, невинно-пытливым взглядом и туго закрученную косой над детскою шейкой. <...> те сладостные, первые мгновенья, отчего бы не жить им вечною, неумирающею жизнью?» (7, 55).

Душа сродни высшему идеалу, и оттого она томится в своей земной ограниченной обители, не довольствуется ею. Анна Сергеевна говорит Базарову об этом «томлении духа», извечной человеческой тоске по идеалу, о вечном стремлении к счастью и о его недостижимости: «Мы говорили с вами, кажется, о счастье. <...> Скажите, отчего, даже когда мы наслаждаемся, например, музыкой, хорошим вечером, разговором с симпатическими людьми, отчего все это кажется скорее намеком на какое-то безмерное, где-то существующее счастье, чем действительным счастьем, то есть таким, которым мы сами обладаем? Отчего это?» (7, 96).

Ответ на этот вопрос можно найти в размышлениях святителя Феофана Затворника: «В самом деле, мы любим повеселиться, но что значит, что, после самого полного веселия, душа погружается в грусть, забывая о всех утехах, от которых пред тем не помнила себя? Не то ли, что из глубины существа нашего дается знать душе, как ничтожны все эти увеселения сравнительно с тем блаженством, которое потеряно с потерей рая. Мы готовы радоваться срадующимися, но, как бы ни были разнообразны и велики предметы радостей человеческих, они не оставляют в нас глубокого следа и скоро забываются.

Это значит то, что природа наша плачет о потерянном рае и, как бы мы ни покушались заглушить плач сей, он слышится в глубине сердца, наперекор всем одуряющим веселостям, и понятно говорит человеку: “Перестань веселиться в самозабвении; ты, падший, много потерял: поищи лучше, нет ли где способа воротить потерянное?”⁶

Перед лицом Провидения ничего не значат ни возраст, ни красота, ни знатность, ни богатство, ни власть, ни политические пристрастия, ни прочая земная суета. Нигилист и его политический противник оказались равны и одинаково незащитны: «*И всюду страсти роковые, / И от судеб защиты нет*». Этот финальный мотив пушкинской поэмы «Цыганы», пренебрежительно отвергаемой Базаровым, как и все остальное «художество», все более явственно и трагически звучит в подтексте романа.

Сакральная сторона жизни, с которой самонадеянно пытался вести борьбу «титан» Базаров, культивируя в себе непримиримую враждебность и даже ненависть к проявлениям духовности, одержала над ним верх. Гипернигилист, отрицавший высшие ценности, любовь, искусство, душевные порывы как «чепуху», «гниль», «романтизм», в конце жизни по сути становится экс-нигилистом. Называя себя «самоломанным», он уже не стыдится открыть одухотворенного романтика в самом себе. Герой не подавляет движений своего сердца, признавая тем самым существование высшей духовной силы, над которой никто не властен.

Человек, объясняет христианский философ В. В. Зеньковский, «открывает в себе глубинную неисследимую, находит в себе целый мир»; «духовность загадочно сочетается с тварностью, но все же она есть средоточие, живая сердцевина человека, истинный центр (“реальное Я”), основа индивидуальности человека, метафизическое его ядро»⁷.

Новое для Базарова духовно-душевное состояние проявляется в строе его речи, слове, которое (по Гоголю) «есть высший подарок Бога человеку»⁸. Тургеневский герой невольно начинает изъясняться в стиле влюбленных рыцарей, трубадуров, миннезингеров, которых он некогда зло высмеивал как сумасбродных безумцев. «Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...» (7, 183), — обращается он к даме своего сердца. Базаров умирает с любовью, призывая к себе «благодать» (так переводится имя Одинцовой — Анна), просветляющую его духовные силы.

Ассоциируя себя с «лампадой», Базаров обнаруживает свою внутреннюю причастность православной церковной традиции, родственность ей на генетическом уровне. Очнувшись от «тяжелой, полузабывчивой дремоты», умирающий герой, «с усилием раскрыв глаза, увидел над собою при свете лампадки бледное лицо отца» (7, 176). В «будущем лекаре и лекарском сыне» оживает «дьячковский внук». Об этой связи в цепи поколений Базаров не забывал: «Ведь ты знаешь, что я внук дьячка?..» (7, 76) — многозначительно напоминал он Аркадию. И даже «осведомился однажды об отце Алексее» (7, 170), что вовсе не вписывается в нигилистические установки.

С судьбой Базарова много схожего у героя «Рассказа отца Алексея» Якова, происходящего из древнего священнического рода: «в нашем приходе близко двухсот годов все из нашей семьи священники живали!» (9, 123), — но пожелавшего «идти по-светскому»: «“поступлю в университет, буду доктором; потому — к науке большую склонность чувствую”. <...> Ближним, говорит, хочу помогать. Ну-с, поехал он от меня — почитай, что ни гроша с собой не взял, только малость из платья. Уж очень он на себя надеялся!» (9, 123–124). Самонадеянность обернулась духовной и физической катастрофой.

Но текст «Отцов и детей» не дает оснований говорить о полном «угасании» символической «лампады». Последнее, что видит Базаров своим земным зрением, — это благодатные свет и огонь: святые образа с неугасимыми лампадами, горящие перед иконами свечи, возкурение ладана в кадильнице.

Думается, неслучайно автор с его обостренной художественной интуицией пишет об умирающем Базарове: «один глаз его раскрылся» (7, 183). Писатель в сцене Соборования сумел уловить сам момент перехода героя в вечность: один глаз еще может обозреть земное, другой уже закрыт навеки. Что представилось внутреннему зрению героя, что увидел он своими «духовными глазами» (это не только пушкинское выражение, но и богословское, святоотеческое) и что пережил в момент умирания, когда приоткрывшаяся в последний миг завеса позволила ему взглянуть за пределы земной жизни? И отчего в его лице возникло выражение ужаса? Был ли он поражен величием непостижимой тайны, явившейся ему во всей полноте и навеки низвергающей нигилистическую теорию абсолютного «ничто»? Встретил ли он то, чего не ждал, о чем не думал, что отвергал и во что не верил? При Соборовании, видимо, в умирающем уже теле он совершил какое-то громадное открытие о жизни духовной, ужаснувшее его самого.

Безбожные установки надменно-теоретизирующего сознания исподволь, незаметно для героя разрушали светлые стороны его личности. Демонических проявлений натуры Базарова в тот период, когда он позиционировал себя как нигилиста и атеиста, можно насчитать в романе немало. Окружающим Базаров внушал безотчетный страх. В глазах матери, неотступно обращенных на сына, «виднелась и грусть, смешанная с любопытством и страхом, виднелся какой-то смиренный укор» (7, 124). Одинцова испытывала инстинктивную боязнь перед его зверским, животным началом: «Она задумывалась и краснела, вспоминая почти зверское лицо Базарова, когда он бросился к ней...» (7, 100); «“Я боюсь этого человека”, — мелькнуло в ее голове» (7, 98). Ученик Базарова — «бланманже» Аркадий — также пережил минуты страха перед своим идейным наставником, когда в шутиливой ссоре от него вдруг повеяло серьезной опасностью: «Что подеремся? — подхватил Базаров. — Что ж? Здесь, на сене, в такой идиллической обстановке, вдали от света и людских взоров — ничего. Но ты со мной не сладишь. Я тебя сейчас схвачу за горло...

Базаров растопырил свои длинные и жесткие пальцы... Аркадий повернулся и приготовился, как бы шутя, сопротивляться... Но лицо его друга показалось ему таким зловещим, такая нешуточная угроза почудилась ему в кривой усмешке его губ, в загоревшихся глазах,

что он почувствовал невольную робость...» (7, 121–122). Злое начало готово выплеснуться в любой момент, беспричинно, бессмысленно, и от того особенно страшно.

Столь же страшен одержимый наваждением бесовским Яков в «Рассказе отца Алексея»: «Верите ли, я назад отскочил, до того испугался! Бывало, страшное было у него лицо, а теперь какое-то зверское, ужасное стало! Бледен как смерть, волосы дыбом, глаза перекосились... У меня от испуга даже голос пропал; хочу говорить, не могу — обмер я совсем...» (9, 130).

Базарову в предсмертном бреде так же, как Якову, виделось нечто инфернальное: «Пока я лежал, мне все казалось, что вокруг меня красные собаки бегали» (7, 177). Так, быть может, Соборование Базарова, ужаснувшегося в пограничный момент между жизнью и смертью, соединилось с обрядом изгнания беса — экзорцизмом, в народе именуемом «чертогон»? «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его! <...> Яков, не малодушествуй; я лаदानом покурю, молитву почитаю, святой водой кругом тебя окроплю» (9, 126), — пытался молитвенно помочь своему одержимому сыну священник («Рассказ отца Алексея»).

Но в «Отцах и детях» обо всем этом можно только догадываться. Тургенев оставляет читателя на пороге неразрешимой в пределах земного бытия загадки, ибо, как во всяком Таинстве, *«тайна сия велика есть»*. Безспорно одно: Базаров в последнее мгновение умирания, перехода по ту сторону бытия пережил трансцендентное состояние, неизмеримое ограниченными мирскими мерками, неподвластное земному разуму, неподдающееся рациональным мотивировкам.

Таинство окончательно выводит Базарова из конкретно-чувственного, вульгарно-материалистического, обыденно-бытийного состояния в план инобытия. Это не есть абсолютное «ничто», «темнота», как думалось ранее Базарову-нигилисту.

Упование на бесконечное милосердие Божие за пределами земной жизни выражено также в финале «Рассказа отца Алексея»: «Но не хочу я верить, чтобы Господь стал судить его Своим строгим судом... И, между прочим, я этому потому не хочу верить, что уж очень он хорош лежал в гробу: совсем словно помолодел и стал на прежнего похож Якова. Лицо такое тихое, чистое, волосы колечками завились — а на губах улыбка» (9, 131–132).

Тургенев ясно дает почувствовать, что душа человеческая сопряжена с бесконечностью; в последние мгновения с человеком происходит нечто невидимое, таинственное и великое.

Сходное переживание перед лицом этой тайны выразил В. А. Жуковский (1783–1852) в стихотворении <«А. С. Пушкин»> (1837) на смерть поэта:

*Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе
Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нем, — в жизни такого
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нем; не сиял острый ум;
Нет! Но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилось мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось: что видишь?
<Курсив — выделено мной. — А. Н.-С.>⁹.*

В Таинстве предсмертного Соборования человек, очищенный от грехов, вводится в безконечную жизнь воскресшего Христа. Страдание, умирание и сама крестная смерть в Христовом Воскресении явились залогом полноты неумирающей жизни.

Эти христианские упования духовно поддерживают родителей Базарова, потерявших единственного сына.

Столь великое горе поначалу чуть не затмило сердце и разум отца Базарова. Василий Иванович, ослепленный своим отцовским страданием, готов был взбунтоваться против Отца Небесного. В этом отец-христианин на миг уподобился сыну-отрицателю и бунтарю: «Василием Ивановичем обуяло внезапное исступление. “Я говорил, что я возропщу, — хрипло кричал он, с пылающим, перекошенным лицом, потрясая в воздухе кулаком, как бы грозя кому-то, — и возропщу, возропщу!”» (7, 184).

Мгновенный непокорный порыв угашен, и родители Базарова безропотно принимают Божью волю в смиренном земном поклоне: «Арина Власьевна, вся в слезах, повисла у него <Василия Ивановича. — **А. Н. - С.**> на шее, и оба вместе пали ниц. “Так, — рассказывала потом в людской Анфисушка, — рядышком и понурили свои головки, словно овечки в полдень...”» (7, 184). В этой картине кроткого жертвенного смирения возникает христианская аллюзия — намек на образ жертвенного агнца или того «малого стада», к которому со словами утешения и ободрения обратился Господь: «*Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство*» (Лк.12: 32).

Финал романа «Отцы и дети» означен спасительным крестом. Из Базарова не «лопух» вырастает, как мнилось бунтующему физиологу, задумавшемуся о сокровенном смысле жизни: «из меня лопух расти будет; ну, а дальше?» (7, 120). Этот трагический вопрос остался тогда без ответа. Но ответ в романе прозвучал ранее: «крест — вот разгадка» (7, 32). На могиле героя возвышается крест, обозначая место, где по православному обряду похоронен христианин. Как символ вечно обновляющейся жизни — «две молодые елки» (7, 188), посаженные любящими родителями в «вечную память» о сыне.

В земной юдоли люди, в том числе отцы и дети, даже если они родственны не только по крови, но и по духу, не в состоянии достичь абсолютного единства. Каждый неизбежно отделен от другого и собственной физической оболочкой, и неповторимым внутренним миром, остающимся во многом таинственным для самого его носителя, «*Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?*» (1 Кор. 2: 11).

Стремления, замыслы, планы, амбиции также не могут быть реализованы всецело и не зависят от воли и усилий человека: «*Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе роста хотя на один локоть? Итак, если и малейшего сделать не можете, что заботитесь о прочем?*» (Лк. 12: 25–26). В евангельской притче Бог сказал самоуверенному богачу, распланировавшему для себя дальнейшую счастливую жизнь «на многие годы» вперед: «*безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя*» (Лк. 12: 19–20). «*Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет*» (Мф. 24: 42). Самых родных, близких и любящих — и тех разлучает, разъединяет смерть. Не смогли противостоять ей отец и сын — оба лекари — в тургеневском романе.

Но «невозможное человекам возможно Богу» (Лк. 18: 27). Нетленные ценности существуют. Главная непреходящая ценность — любовь Христова. Тургенев, цитируя апостола Павла, горячо в это верует: «одно это слово имеет еще значение перед лицом смерти. <...> “Все минется, — сказал апостол, — одна любовь останется”» (5, 348). В своем утверждении: «любовь <...> сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь» (10, 142) — писатель сердечным знанием постиг заветные христианские исти-

ны: «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4: 16).

Средоточие любви совершенной, которая «изгоняет страх» (1 Ин. 4: 18), — Отец, Сын и Дух Святой. «Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии» (Рим. 8: 16). В Пресвятой Троице, Единосущной и Нераздельной, обретает человек — венец Божьего творения — истинное единство и желанную цельность, незыблемую опору и жизнь вечную: «если пребудет в вас то, что вы слышали от начала, то и вы пребудете в Сыне и в Отце. Обетование же, которое Он обещал нам, есть жизнь вечная» (1 Ин. 2: 24–25).

«Отцам» и «детям» адресовал святой апостол Иоанн свое послание об Отце Небесном: «Пишу вам, дети, потому что прощены вам грехи ради имени Его. Пишу вам, отцы, потому что вы познали Сущего от начала» (1 Ин. 2: 12–13).

Молитвы, слезы и любовь — эта священная триада венчает тургеневский роман: «Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии “равнодушной” природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» (7, 188).

Неутолимая духовная жажда веры в Бога и бессмертие, предчувствие «жизни бесконечной...» (7, 188) для людей как детей общего Отца Небесного — последнее упование в романе Тургенева «Отцы и дети».

Примечания:

1. См.: Писарев Д. И. Базаров. «Отцы и дети», роман И. С. Тургенева // Писарев Д. И. Литературная критика: В 3 т. — Т. 1. — Статьи 1859–1864 гг. — Л.: Худож. литература, 1981.
2. Лебедев Ю. В. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». — М.: Просвещение, 1982. — С. 138.
3. Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви / Сост. святитель Филарет, митрополит Московский. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. — С. 361.
4. См.: Православие для всех / Сост. иеромонах Харитон (Просторов). — Кострома, 2008. — С. 284–290.
5. См.: Азадовский М. К. Об одном сюжетном совпадении: «Смерть атеиста» в романе Омулевского и у Ипполита Тэна // 45 лет академику Н. Я. Мару: Сб. статей XLV. — М.; Л.: АН СССР, 1935. — С. 589.
6. Святитель Феофан Затворник. Письма о христианской жизни. Поучения. — М.: Московский Сретенский монастырь, 1997. — С. 291–293.
7. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. — М., 1993. — С. 44, 47.
8. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. — М.: Худож. лит., 1986. — Т. 6. — С. 187.
9. Жуковский В. А. <А. С. Пушкин> // Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. — М.; Л.: ГИХЛ, 1959–1960. — Т. 1. — С. 393.

Станислав Минаков, «Русалим. Стихи разных лет»
СПб, Алетея, 2024

Книга, собравшая лучшее из написанного за более чем 20-летний период и уже отмеченная Ахматовской премией (Комарово), отличается, прежде всего, уникальной поэтической речью, где современный язык перемежается с древнерусским и церковнославянизмами. Уроженцу Харькова, ныне живущему в Белгороде, удалось, кроме того, сообщить стихам (тут, наверно, можно провести параллель с Борисом Чичибабиным) малороссийскую гибкость и певучесть:

Мама стала махонькая, как котик.
Мама стала тихонькая, как мышка.
Мама еле-еле по дому ходит.
Гречку перебирая, лапкой гребет, как мишка.
Мамины дни теперь ни пестры, ни пестры —
мелкой моторикой их не унять, итожа.
Старощь и немощь — тоже родные сестры,
так бы поэт сказал, если б только дожил <...>

Книга тематически — разная, она — перекресток и перекрестье, ибо здесь вполне мирная повседневность (цикл стихов, посвященных собаке, — уже говорит о многом) перемежается, сталкивается с грозными военными буднями. Вчера разбивается о сегодня, где само существование рода человеческого под сомнением. Впрочем, поэт все предощущает заранее — именно он задается вопросом:

На что ты, мама, уповала, толкая колыбель рукой,
когда пила крестоповала завывла ночью за рекой?
С какого бала эта Клава влетела на метле в окно? <...>

И вот меняется сам язык письма: судьба поэта-харьковчанина, ее излом, уникальность становятся опытом преодоления «самовыразительной медитативности», нахождения «меж двух властных пространств», делаются подвигом постижения «жесткой науки письма от Писания»:

Проснешься — с головой во аде, в окно посмотришь без очков,
клюешь зеленые олады из судьбоносных кабачков.
И видится нерезко, в дымке — под лай зверной, под грай ворон:
резвой как фраер до поимки, неотменимый вавилон.
Ты дал мне, Боже, пищу эту и в утреннюю новь воздвиг,
мои коснеющие лета продлив на непонятный миг.
Ты веришь мне, как будто Ною. И, значит, я не одинок.
Мне боязно. Но я не ною. Я вслушиваюсь в Твой манок,
хоть совесть, рвущаяся в рвоту, страшным-страшна себе самой,
Отправь меня в Шестую роту — десанту в помощь — в День
седьмой!

Мне будет в радость та обновка. И станет память дорога,
как на Нередице церковка под артобстрелом у врага.

Или еще жестче:

Замолчали галки и вороны,
онемели прочие грачи.
Противовоздушной обороны
не слышать дней пять. И ты молчи.
Не слышать хлопков и взрывов, воя
душераздирающих сирен.
Есть такое дерево — секвойя.
Есть такая музыка — «Сирень».
Слышно, как ребенок спящий дышит.
Небо знает, чья и в чем вина.
Говорят, война все вины спишет.
Есть такая музыка — война.

Но удивительно то, что, будучи свидетелем Армагеддона, очевидцем столкновения двух начал, Минаков (почти все тексты книги датированы) невольно упоминает о другом, надмирном времени — и здесь хочется провести сравнение с известным романом Булгакова. Стихотворение воспринимается не как исповедь или сообщение, но как написанное на Благовещение, Прощеное воскресенье, Пасху или Радоницу; автор называет имена свт. Григория Паламы, Спиридона Тримифунтского, Андрея Критского. Таким образом, драматизм события показан в ином ракурсе, высвечивая детали. В конечном счете, само название книги Русалим (так Иерусалим именовался в устном народном творчестве) дарит надежду:

Я постным становлюсь и пресным,
простым, безхитростным и ясным.
Отдавший дань мослам и чреслам,
я возвращен к воловьим яслям —
тем самым, с тишиной Младенца
сладчайшей, истинной, безстрастной.
Есть счастье для отщепенца —
свет мягкий, образ неконтрастный. <...>

Герман ВЛАСОВ

**Музыкальная сказка для детей «Ледокол "Надежда"»
М.: «Вест-Консалтинг», 2024**

Сказка важна для ребенка, поскольку помогает ему познавать мир. По-моему, нет на свете ни одного ребенка, который не любил бы слушать сказки. Современным родителям зачастую не хватает времени пообщаться с детьми, даже книжку на ночь почитать сил нет. А жаль. Сказка оказывает большое влияние на духовное развитие ребенка: тренирует внимание, развивает воображение, вызывает любознательность. Мало того — без сказок жить попросту скучно.

Это интересная и добрая книга, в которой на палубе сказочного корабля встречаются очень разные персонажи. Пингвин из Антарктики, Плюшевый Мишка, матрос Дина — ну куда же на корабле без юнги? А за штурвалом — Дядя Серёжа, он же — Сергей Светлов. И все на этом волшебном судне поют. И с песней смело отправляются в путь, ведь Пингвин давно хотел познакомиться с Белым Медвежонком, живущим на другом конце света...

Кроме того, озвученная книга позволяет не только прочитать, но и прослушать текст сказки с помощью современных технологий, что очень удобно для аудиалов. Песни написаны с учетом особенностей детского голоса, а также для неопытных певцов, для которых и рассказывается эта история. Сергей Светлов — профессиональный музыкант, поэтому его мелодии запоминаются легко, и маленькому читателю не составит труда быстро выучить песенку наизусть.

Слова в детской песне играют большую роль. Например, бодрая песенка про капитана ледокола «Надежда» моментально «ложится на язык»:

Пусть будет шторм или туман,
Но на посту наш Капитан!
Он верный путь всегда найдет
И Ледокол вперед ведет.

Другие песни требуют более тщательного разучивания, но интересный сюжет песни помогает маленькому слушателю, как, скажем, в песенке о ките-полосатике. Четкий ритм увлекает ребенка, усиливает слуховое внимание и улучшает качество пения:

На брюшке много складочек, похожих на полосы.
Поверьте, Полосатика узнать ну очень просто.
Как высоко он прыгнул, вот это акробат!
И все его полосы на солнышке горят.

Что касается стихотворений, то над ними трудился целый авторский коллектив: с помощью музыки Сергея Светлова стали песнями стихотворения Екатерины Власовой, Михаила Грозовского, Александра Крейдина. Если хочешь, чтобы получилась хорошая пьеса, никак нельзя писать ее в одиночку. Но что такое детская книга без иллюстраций? Авторы этой книги привлекли к созданию юных читателей. Ее страницы украшают рисунки учащихся средней школы № 3 города Тутаева. Мне кажется, это отличное решение — и Пингвин, и Северный олень, и Полярные Волки получились именно такими, какими их увидели адресаты этой истории, а не профессиональные художники. Это значит, что веселая и добрая сказка нашла отклик у детей.

Нужно мечтать, ставить цели, не терять оптимизма — такова основная идея музыкальной сказки. Причем надежда — это не когда все только хорошо. Она не отрицает испытаний и неприятностей. Но дружба помогает героям справиться с пиратами, и пройдя через плохое, они еще больше ценят друг друга и не теряют бодрого настроения:

Отбросьте любые сомнения,
Каждый должен понять,
С нами всегда приключения,
Если о них помечтать.

Как бы хотелось, чтобы в мире наступила гармония! И чтобы все у всех всегда было хорошо, как говорит Капитан: «Я думаю, что Полярные Волки загадают попасть на Луну, о которой мечтали. И не будут такими злыми. И они перестанут грустить. А Пингвин пригласит всех в Антарктику. Там никто из нас не был. Да, все загадают, что хотят. И все сбывается!». Пусть хорошее сбывается, недаром поющий ледокол называется «Надежда», а у его капитана «говорящая» фамилия — Светлов.

Вера КИУЛИНА

Инеcса Ильяина. ЮЛИА, БЕГУЩАЯ ПО...

Мистика: Реальность или Вымысел?

М.: «Вест-Консалтинг», 2024

В творчестве Инеcсы Ильяиной волшебство так тесно переплетается с реальным миром, что кажется, будто нет в мире ничего невозможного: игрушечная лошадка может и разговаривать, и превращаться в живую, а тень красавицы способна занять ее место среди живых. Сверхъестественное не только диктует автору сюжет, но и само оказывается в центре внимания, становясь сюжетом. При этом в новой книге нашлось место и серьезным мистическим историям, и добрым сказкам, транслирующим приверженность автора вечным человеческим ценностям.

Жанр современной литературной сказки накладывает на автора большую ответственность: она предназначена как для взрослых, так и для детей, а значит, к выбору сюжета, персонажей и места действия автору стоит подходить очень внимательно. Немаловажна и концовка: все-таки «сказка ложь, да в ней намек...». Инеcса Ильяина не из числа «позитивистов», ее сказки порой заканчиваются печально. Лошадка Зорюшка из сказки «Деревянная лошадка» навсегда остается игрушкой, потому что ее маленький хозяин не сдержал свое слово. А ведь так важно беречь того, кто тебе доверил свою тайну! Пусть даже твой доверитель — всего лишь лошадка-качалка.

В сказке «Белый воробей» главного героя ждет трансформация. Образ белого воробья отсылает нас и к устойчивым словосочетаниям, обозначающим инаковость персонажа, а также показывает, как непросто живется на свете, когда ты маленький и слабый. Воробей упоминается в литературе для обозначения чего-то незначительного. Известный пример находится в Евангелии от Матфея (10:29): «Не за грош ли продаются два воробья? И все же ни один из них не упадет на землю помимо воли твоего Отца». Но в то же время эта птица наблюдательная и сообразительная. Автор превращает драчливого и задиристого мальчика Серёжу в воробышка, а не, допустим, в ворону (что было бы логически оправдано): из птиц мы ожидаем непохожести на других именно от ворон, поскольку эти пернатые довольно сильны и способны постоять за себя. А Серёжа заколдован. Он не слишком похож на свое новое окружение. Но возвращает себе человеческий облик, искупив свои злые поступки добрыми делами.

Но тут хотя бы финал счастливый. А вот сказка про Хлебного Мальчика заканчивается трагически. Хлеб символизирует основную человеческую потребность, поэтому к этому герою читатель изначально относится заинтересованно. Что он сделает, как преодолеет испытание, вернется ли с радуги? Казалось бы, перед нами хэппи-энд. Героя ждут овации, его подбрасывают, качают на руках. И... губят: «Но никто его не слышал. Так, мало-помалу, от высоких шумных бросков, Хлебный мальчик весь раскрошился. А когда люди опустили саночки, то в салазках только кусочки хлебно-восковые остались. Очень огорчились люди, что так бестолково с героем своим поступили...». Очень хочется, чтобы все хорошо закончилось, но история интересна именно тем, что от восторгов людских можно погибнуть быстрее, чем от превратностей судьбы: осторожно, перед нами добрые люди, залюбят до смерти...

Для взрослых в этой книге написаны серьезные философские притчи. Детям старшего возраста они тоже понравятся, хотя некоторые из произведений адресованы в первую очередь тем, кто уже сам имеет детей и отвечает за их благополучие. Например, «Притча о слепой родительской любви», которую Инеcса Ильяина завершает поучительно и оригинально: «Королевич долго и счастливо правил страной. И во время его правления не было, ни войн,

ни раздоров. Бывает и так — добро силой побеждает зло». Жестко. Но ничего не поделаешь. Любящий родитель должен понимать, что, потакая всем детским прихотям, он растит белоручку, эгоиста, неприспособленного к жизни. Надменные, капризные дети требуют к себе особого внимания, ухода за собой, принимая все услуги как должные. Отношения этих детей с родителями нестабильны: пока те потворствуют им, они ласковы, но стоит озвучить запреты, — они становятся грубы и дерзки.

Когда-нибудь такой ребенок захочет любой ценой удовлетворить свое «хочу», и, как правило, такие попытки заканчиваются плачевно, прежде всего, для него самого. В сказке это показано метафорически, но зловещие символы — орел, огненный круг, защищающий от нечисти, атрибутика войны — все это говорит нам о том, что история разрешится хоть и конструктивно, но с немалыми потерями для главных героев.

Жанр мистики — благодатный жанр для автора, которая тонко чувствует окружающий мир. В отличие от классического «ужасика», мистика по сути своей социальна и работает по принципу «как аукнется, так и откликнется». В произведениях Инессы Ильиной этот универсальный вселенский закон соблюдается неукоснительно. Добро побеждает, хотя порой победа дается дорогой ценой, приходится пройти и через предательство, как в рассказе «Измена», главная героиня которого в случившемся виновата сама: «„Счастье мое, не было б никакой Клавы, если бы я не отдалилась от тебя“, — прошептала она и заплакала, — "Это не измена, это материализация пожелания подружки-завистницы!"». К счастью, вывод из этой истории женщина сделала, и концовка оставляет надежду на то, что подобное в семье не повторится: «Странно, обида исчезла. Муж вернулся, проводив несостоявшуюся возлюбленную на вокзал. Они никогда не вспоминали об этой истории».

История старого пианино трогательна еще и потому, что автор через переживания музыкальных инструментов пересказывает историю нашей страны. Искусство и жизнь тесно связаны друг с другом. Музыка помогает выжить в голодные военные годы, приносит радость в мирное время и утверждает непреложную истину — жизнь сильнее смерти. Старое пианино находит «своего человека»: «И пускай, новым домом ему стала не зеленая гостиная богатого особняка, а обычная городская квартира, пианино было счастливо. Оно вернулось домой. Начался новый круг жизни. Девушка станет пианисткой, а старое пианино будет ей помогать обучать музыкальному искусству ее детей и учеников. И никогда не настанет этому конца». Проза Инессы Ильиной светла и терапевтична. В ее произведениях знакомые читателю образы и мотивы (например, образ злобной и наглой человеческой тени) в конструкциях авторского мира приобретают новое наполнение, превращаясь в детали индивидуального мифа. Мы обращаемся к волшебным историям снова и снова, раскрывая силы нашего воображения, способного в сжатые сроки изменить нашу жизнь в лучшую сторону.

Вера КИУЛИНА

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Сдано в набор 04.09.2024
Подписано в печать 11.09.2024